

Кирилл
КАЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ

В ЗАКОНЕ

**ВОЛЧАРЯ
ВЫХОДИТ НА СЛЕД**

Кирилл Казанцев
Волчара выходит на след
Серия «Оборотни в законе»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633465

Волчара выходит на след : повесть / Кирилл Казанцев: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-49772-0

Аннотация

Капитан в отставке Андрей Мостовой мстит уголовным авторитетам, сломавшим его жизнь. Первым в его черном списке становится рецидивист Сукоткин. Второй на очереди – наркоторговец Бельдин. Узнав о том, что народный мститель Мостовой приговорил его, Бельдин ставит на уши самых могучих и жестоких криминальных «отморозков». Те заверяют продавца «дури», что все будет хорошо, и выходят на след Мостового. Какое-то время им кажется, что бывший капитан у них под контролем и дни его сочтены. Но это им только кажется. Выслеживать волчару-подранка – значит рыть себе могилу...

Содержание

АНТОН ИВАНЫЧ	4
САЗОНОВ	11
АНДРЕЙ	20
ВАН ДЭН-лао[4]	28
ЛИ ВЭЙГУ	33
АНДРЕЙ	41
АЛИНА	48
БЕЛЬДИН	55
АНДРЕЙ	63
САЗОНОВ	68
БЕЛЬДИН	75
АНДРЕЙ	84
ЛИ ВЭЙГУ	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Кирилл Казанцев

Волчара выходит на след

*...свет, который в тебе,
не есть ли тьма?
Лк. 11,35*

АНТОН ИВАНЫЧ

Шквалистый, с норовом, ноябрьский северяк чудил за огромным, в полстены звуконепроницаемым окном. То бешено тряс голые сиреневые кусты на подбегающей к особняку недавно отсаженной аллее. Пригибал их к самой земле, словно пытаясь выдрать с корнем. То вдруг притихал на минуту. Ворошил в раздумье груды опавшей листвы. Нервно подхватывал их. Крутил в причудливых шатких взвихренных змейках, поднимая все выше и выше, и, словно игральные карты, распускал широким веером по голому пустынно-му двору. И снова ярился. И рвал и метал.

Но в широком обширном притемненном зале, плотно заставленном дорогой импортной мебелью под старину, было тепло и уютно. Не хочешь, а замурлычешь в голос от полного удовольствия.

Похожий на упитанного лесного клопа, толстоплечий, с

массивным, оплывшим туловищем и несоразмерно хилыми, будто атрофированными конечностями, Антон Иванович Сукоткин, недавно ставший у кормила мэра города Зареченска, в одиночестве нежился у пышущего жаром, отделанного добротным белоснежным мрамором камина, распахнув ворсистый махровый халат и откинувшись на спинку кресла-качалки. И мурлыкал, мурлыкал, мурлыкал...

Теперь, когда долгожданные бразды правления городом наконец-то в руках – можно и расслабиться, и пар выпустить. Отнюдь не возбраняется теперь такая фишка. Уже не надо озираться, поминутно страховать тылы. Все, без остатка, ушлые, борзые «оппоненты» давно уже слиты. А те, что остались – умытые и покорные, – мнутя у твоих ног в ожидании крохи с барского стола. В общем, как в детстве болтали, – «кино и немцы»...

К власти шел долго, но упорно...

Все, как обычно... Как и у многих других конкретных пациентов...

Неполная семья. Отца в глаза не видел... Девять классов отстойной сельской школы – одна сплошная забойная раслабуха. Первая победа в кровавой драчке... Первый косячок... Первый трах с сикучкой Веркой в грязной кабинке туалета... Первый стойкий авторитет среди одноклассников, добытый не столько убойной свинчаткой, сколько благодаря изощренному жестокому коварству... Первый привод...

Второй, третий...

Уступил сопливой мамаше – пошел сдуру в совхозные свинари, когда из школы выперли. Почти два месяца, как глупый мытарь, вонючим хрюшам хвосты крутил... Вконец достало. Рванул в город к тетке. Удачно притерся в кодлу к буйному Паше Берцу, бывшему десантнику, отмотавшему немалый срок по сто восьмой за «тяжкие телесные», под крыло... Прибился к «людям» и тоже человеком себя почувствовал.

Первая ходка – как и у многих – за хулиганку. По двести шестой, часть первая. Повезло – всего полгода. Учли, что семья неполная.

Откинулся и снова – в родную кодлу. А куда еще? И снова покатило... Весело и с выдумкой ломили лохов у кабаков да на вокзале.

Но погулял недолго. Опять влетел. По той же двести шестой, но уже – часть вторая. Спасибо Паше – не зажался. Судье башлянул грамотно и душевно, чтоб тот списал статью на легкую. Светила-то чистая сто сорок пятая – «вооруженный грабеж»! А там срока – мало не покажется!

Отпахал пятеру. Потом – по УДО¹. Год на «химии» на местном ДОКе...

Ну, а потом – вообще умат! Совок в один момент неожиданно загнулся, и пошло-поехало...

Кругом бабла – немерено! И челноки, и папики крутые, и

¹ УДО – условно-досрочное освобождение.

мелкие валютчики, и биксы с сутенерами... Да только успевай раскручивай. Замучаешься доить, уже руки сводит.

Накосил изрядно. Но не промотал, не спустил, как тупые корешки. Купил втихаря (не украл, а действительно купил у знакомого барыги!) пару японских видаков да в подвале покосившейся развалюхи салон слабал, но так, без отрыва от «основного производства». Посадил своих прикормленных телок порнушку и мультяшки крутить. Боевики там, триллеры разные... И попал на жилу! Рекой потекло! Дальше – больше. Еще салон. И еще.

И пацаны не окрысились. А потом и вообще – в тему въехали. Потянулись к делу, поднимая в авторитете.

А тут и Паше Берцу кирдык приплыл. Замочили «нижние» на очередной стрелке. Как чувствовал – не поехал. Очко вовремя сыграло.

Пресек бучу сходу. Удалось – вылезло. Кого-то весомого из кодлы прикупил втихаря, благо зелень уже в избытке водилась, а кого-то и лбами столкнул влегкую. В общем – пришлось мал-мал подсуетиться. Зато – в точку легло. Признали в конце концов. Догнали, черти, что главное – не пудовые кулаки, а чтобы репа варила.

А она варила. Да еще как! Давно уже понял, в отличие от Паши дуболома, что не всегда надо переть-то буром – иногда желательно и мозгой шурупить. А главное – везде своих людей иметь. И в той же ментуре не запахло, что бы там братва на этот счет ни петрила. И не жилиться. Сегодня ты щедро

мазанешь – завтра сам прочным мазом² будешь. И на своих, ясный перец, – тоже бабла не жалеть...

К себе никого близко не подпускай. Держи на расстоянии. И чтоб в кодле всегда полный мутняк был. Так сделай, чтобы никто из них друг дружке не верил, чтобы спиною друг к дружке повернуться ссали. Короче, как у классика – разделяй и властвуй. Ничего сложного. Обыкновенная бодяга – кого-то вовремя опустить донельзя, кого-то резко приподнять на время другим на злобу. И чтобы не застаивались и не расслаблялись. Не знали, чего в следующую минуту от тебя ожидать: вдруг ни за что покароешь, ни за что – помилуешь.

И зелень не копим. Сразу – в оборот. В дело. Все, что с «воза» падает, – тут же слету подбираем. И «швейку» обнищавшую, и мебельную фабрику, и водоканал – само собой... Короче говоря – ни с кем не делимся. Никому не уступаем. А если падла какая-то вскипишнуть посмеет – без слов в очко сливаем. Благо бригада всегда под рукой. Да какая! Уже не те вчерашние зеленые гопники и рэкетня мелкая. Теперь – солидное частное охранный агентствo. Стволы и навороты всяких, колес приличных – под завязку. И все – теперь в законе. Хрен ты ко мне подъедешь! Да и ехать-то уже некому. Вся городская головка, вся ментура с прокуратурою давно уже вот где – в кулаке. Не выпущу...

Под «москвичей» не клонимся. Своя приморская братва – пока еще в полной силе. Уже не одних от корыта отвадила.

² Маз – главарь преступной группировки (*угол. жарг.*).

И черножопым, и комсомольчатам укорот давала. Да и не только. На жирный пирог у всех зубки чешутся.

А так – под нужным знаменем, в нужной партии – без всяких там проблем! Не лохи небось, прекрасно видим, откуда ветер дует, прежде чем из штанов вытаскивать...

Антон Иванович переменял позу. Спина изрядно затекла. Надо бы пару дровишек в огонь подкинуть, но никого из «черни» пока звать не хочется. И одному побыть – в радость. Не часто получается. Хорошо, жену-идiotку с дочкой на неделю в Таиланд спровадил.

Поерзал, побряхтел, потирая шейный позвонок: «Хонд-роз, собака, заедает... Пора опять к корейцам – на иголки... Пора, да все недосуг». Все-таки поднялся. Подкинул несколько звонких сухих березовых полешек, снял лэптоп с каминной полки и, опустившись в кресло, примостил его на острые волосатые коленки. Открыл закладку с любимым порносайтом – сплошь нимфетки, не больше двенадцати – самые смачные. Прищурился и вожаделенно повел тяжелым ноздреватым носом: «Надо будет Геннадию звянуть, чтобы вечером двоих доставил. Черненькую и беленькую. Гулять так гулять!»

Сильно потянуло ледяным сквозняком из-за спины: «Опять падла Нюшка лоджию плохо закрыла! Вот выброшу сучку!.. На этот раз – точно выброшу!»

С трудом разогнувшись, поднялся на ноги, но развернуться не успел. Что-то тонкое и острое скользнуло под кадык:

– Сиди смирно!

– Ты кто? – пискнул испуганно. – Какого... – Но договорить не смог. Хрипанул. Петуха пустил. Удавка затянулась, впилась в горло.

– Сиди, сказал...

А через мгновенье в рот грубо и плотно забили кляп, и в шею сбоку что-то болезненно кольнуло. Но Антон Иванович не трепыхнулся даже, пребывая в каком-то диком ступоре. А через полминуты и вовсе руки-ноги уже нешуточно свело. И страшный сковывающий холодок покатила мурашками по спине, по всему распаренному разнеженному телу.

Безропотно стыл, как мышь под наркозом, и лупал вылезшими из орбит, переполненными ужасом глазами на то, как какой-то стремный мужик в потертом армейском бушлате, в черной с прорезями трикотажной шапочке на башке зачем-то бесстрастно и деловито копается у него в промежности. Глядел, а в перехваченном петлею горле метался беззвучный крик: «Ты что это?!.. Ты что там, падла, делаешь?!!!»

САЗОНОВ

– Нет, ну ты послушай, Андрей Степаныч, а Тоша-то все-таки попал конкретно?! – восторженно брякнул худющий, как Кошей, конопатый рыжий живчик Саша Комов – словно подросток, сбежавший со съемок рекламы «Клерасила», – двадцатишестилетний следователь Зареченской прокуратуры. Глаза его лихорадочно блестели. – Вот уж попал – так попа-а-ал!.. Я тебе скажу!.. Просто дичь какая-то!

– Да уж... Не поспоришь, – хмыкнул в ответ старший следователь по особо важным делам Андрей Степанович Сазонов – все еще крепкий коренастый пятидесятилетний мужик с хитрым прищуром добродушного проныры, в изрядно помятом темно-синем полушерстяном костюме, заметно припудренном перхотью по плечам. Оглядел с лукавинкой во взоре своего молодого коллегу, и лицо его совершенно разгладилось и посветлело. К Саше Комову с первых дней его прихода в прокуратуру дышал неровно. Уж больно импонировало старому прожженному спецу его пока еще неистребимое, нерастраченное жизнелюбие. А потому и, предельно сократив дистанцию, намеренно держал себя с ним наедине почти запанибрата, зная, что это серьезно поднимает парня в собственных глазах. Придает ему уверенности в своих силах. «Вот и пусть малец подольше поиграет, – про себя резонно рассуждал Сазонов. – Ведь для него еще вся эта наша

тягомотная рутина – не что иное, как просто увлекательная, будоражащая воображение игра... Еще успеет в свое время до горлышка «глистов набратся»... Еще успеет поскрипеть зубами...»

– И что – под самый корень? – быстро выдохнул Комов.

– Да я же говорю – вчистую... Все... Не ходок уже... Так только – пописать... и ничего другого...

– И как же он не загнулся-то?!.. Там же кровищи, наверно, с полведра, как из борова?

– А этот парниша, народный мститель, все сделал предельно грамотно. Буквально зуба не подточишь. Все там ему перевязал, заткнул, где надо... И «Скорую» ему вызвал... Сам вызвал...

– Так значит, получается, что убивать он его не хотел? Только покалечить?

– Да не просто покалечить, Саш... Он же его за самое живое ухватил... За самое-самое, что ни на есть, понимаешь?.. Тоше же теперь без этого-то дела – просто жизнь не в кайф. Он же не пьет, не курит. Здоровье старательно бережет. Одна лишь блажь у мужичка – путем перепихнуться...

– Да уж! Прямо в точку... Тогда уж не поспоришь... А молодец, блин, парень!.. Благое дело провернул, а, Андрей Степаныч?.. Эта же гнида мордатая, говорят, уже все старшие группы в «детке»³ переимел. Уже за младшие принялся... А что?.. И для директора – пучком. Он же ему, как щедрый

³ «Детка» – детский реабилитационный центр (*мест. жарг.*).

спонсор, целую кучу бабулек отвалил! И лично ему, и центру... Кровати там новые, телевизоры, компьютеры. В общем – по полной программе. Он же спонсор официальный. Да еще какой!

– Да уж, спонсор, блин... – вздохнул Сазонов. – Ну, хоть так прошло, скотине... Не все ж коту масленица...

– Слушай, а этому всему нельзя по-скорому научиться?

– Чему?!.. Не понял!

– Да я про другое... Ну, кастрировать так, чтобы без последствий?

– Да шут его знает, Сань?.. Абрамыч говорит, что подготовка соответствующая все-таки нужна... И практика, естественно... А он – мужик серьезный. Свистеть понапрасну не будет. Как-никак пятнадцать лет в травматологии...

– Слушай, а как он вообще так тихо провернул? Там же у Тоши, как я думаю, охрана-то неслабая?

– Да никакой, Сашок, толковой там охраны. Этот же паханок наш борзый всех конкурентов своих давно убрал. Сам же знаешь... Только в конце прошлого года за две недели – семь трупяков. Ты же помнишь... Вот и расслабился, видно... Да и на его охрану, естественно, полная расслабуха напала... Да я ж тебе говорю, что и охрана-то давно – одна видимость. Два туповатых хмыря из агентства. И те в это время спокойно в очко резались. На мониторы даже не смотрели...

– А если б глянули?.. Это ж полный абзац бы вышел?! Это же на грани фола!.. Да-а-а... Рисковый парень!..

– Ну, он, наверно, сначала все как следует издалека осмотрел. И не раз, не два, я думаю. Все учел скрупулезно. Готовился, по всему видно, очень тщательно... Собак приборчиком выключил. И звуковуху. Остались только камеры слежения... Но все равно, не спорю, рисковал он капитально... Крутой, наверное, мужик? Нервишки действительно крепкие...

– А запись что-нибудь дала?

– Да я пока ее не видел... Шеф сам там что-то маракует... Но, думаю, что тоже – ничего существенного. Ведь парень, ясное дело, в маске был...

– И как ты теперь, Андрей Степаныч?

– Да что там мудрить, Сашок?.. Все равно скорее всего важняка из краевой пришлют. Он следственной бригадой руководить будет. А нам-то что заранее заморачиваться?.. Практически не наша компетенция... Да и вообще... – сказал Сазонов и оборвал себя на полуслове.

– Согласен с тобой... Полностью... – понимающе усмехнулся Комов и, уже держась за дверную ручку, скорчил напоследок страшную рожу: Нет, Андрей Степаныч, ну я все-таки как подумаю об этом... просто мороз по коже! Бр-р-р!.. Врагу не пожелаешь... Полный атас, блин!.. Святая инквизиция!

– Да уж... – отозвался Сазонов.

– И вот еще что думаю... Как ему, вообще-то, все это не гадко было? Это ж такая мерзопакость?! Представь себе на

минутку – чей-то чужой аппарат в твоей руке?!

– Санек...

– Да нет, извини, Андрей Степаныч, это я так, для красного словца... Тут же весь, наверно, с головы до ног обрыгаешься, если ты мужик-то нормальный, а не педрилка какой-нибудь... Я тут, знаешь, что вспомнил... Точно не скажу... Вроде бы в романе про Ермака или про Разина, не помню точно, был такой эпизод, когда какому-то там инородцу дали казаки грязный хрен понюхать. Так он в момент откинулся от омерзения!.. Просто раз – и каюк! Раз – и помер! Представляешь?!

– Ну парень-то, наверное, в резиновых перчатках был... Да и Тоша – явно не засранец. Он же из сауны не выходит. А она у него такая, говорят, что и в Москву не стыдно.

– А все равно – абзац, – хмыкнул Комов. – Ну, ладно, Андрей Степаныч... Я побегу... Надо еще по последней бытовухе в девятиэтажке обвинилровку добить. Шеф уже вконец задергал... Извини, что отвлек.

Когда дверь за Сашком захлопнулась, Сазонов посмотрел в приоткрытое окно, за которым осенний ветер нудно гремел жестянками водосточных труб, разбойно посвистывал в обвисших проводах. С силой потер пальцами виски, пытаясь согнать накопившуюся усталость. Снова попытался пробежаться по протоколу первичного осмотра места происшествия. Но едва дошел до середины, энтузиазм его иссяк.

Половина восьмого вечера. Прокурор давно уже должен был вернуться из мэрии. «Сколько ж можно там всем скопом охать и ахать? Четвертый час заседают?.. Но ждать-то все равно его придется. Тем более сегодня, после этой жути... Это ж надо понимать?!.. Не какого-то там смерда вонючего, а самого дорогого и уважаемого нашего городского голову поганю отманьячили! Сейчас же такой бедлам поднимется, что только держись!...»

«Ну, ладно – сегодня... Но что же ему, вообще-то, дома не сидится? – в который уже раз, уже просто автоматически задавался Андрей Степаныч одним и тем же намозотившим язык риторическим вопросом по поводу идиотской привычки прокурора выдавать указивки непременно через пару-тройку часов после официального окончания рабочего дня. – И жена еще вроде ничего, в самом соку. Только-то тридцать шелкнуло... И дом – конфетка... Ну, в общем-то, понятно почему... Здесь же у него – зала тронная. Натуральным халифом себя, наверно, чувствует... Ольга-то совсем не склонна его высокие амбиции поддерживать. Она же только от себя самой тащится... И какого б ей муженьку восторги расточать?»

Надо было сидеть и смиренно дожидаться очередного тягомотного «разбора полетов» и постановки очередных «животрепещущих» задач. Надо было. Но Сазонову вдруг дико захотелось домой. Пожевать бы чего-то вкусенького, запить горячим крепчайшим молотым кофейком да завалиться

на диван у телевизора. Хотя бы часок-другой, понежиться в сладкой полудреме, пока вся эта гнусная свистопляска еще не началась. Отдохнуть бы, хоть чуток, в свое удовольствие, перед очередной бессонной ночью: «И пошли они все на! И будь что будет!»

Вскочил как ошпаренный. В момент сгреб бумаги со стола. Сунул кучей в сейф. Накинул пальто и, застегиваясь на ходу, бросился за дверь.

Машину решил не брать: «Пусть маячит на стоянке... Пешочком прогуляюсь... Да рядом».

Неторопливо вышагивал по слабо освещенной улице, усыпанной густыми ворохами жухлой листвы. Шлепал по глубоким грязным лужам, ежась от сводящей зубы ноябрьской холодрыги. Для себя уже решил, что будет участвовать в предстоящем расследовании что называется спустя рукава. Не тот случай, чтобы из кожи вон лезть: «Пускай важняк из края из-за этого убудка наизнанку выворачивается... Обкорнал его какой-то там неведомый Робин Гуд, и – поделом ему. Давно уже заслужил, урод толстомясый! Иначе бы, наверно, так и оставался навечно в шоколаде... А как же?! Теперь же – их время!...»

Заходя в супермаркет «5+», на время выбросил из головы неприятные мысли.

Заглядывал сюда при каждом удобном случае. Это доставляло ему немалое удовольствие. Создавалось полное впечат-

ление, что ты не в Зареченске, а в Москве или в Питере. Во Львове. Ну, на худой конец – во Владике, а не в забытой Богом Тьмутаракани. Приятно было побродить в тепле по чистейшим, выдраенным до блеска полам между ровными аккуратными рядами длинных полок, заполненных под завязку всякой вкусной всячиной. Неброский, но качественный, почти европейский дизайн. Везде чувствуется рука настоящего умного хозяина. Понятное дело – крупнейшая торговая сеть, накрывшая буквально весь Дальний Восток. Не то что во всех других зареченских магазинах. Наляпают, как обычно, что попало. Законченная вопиющая безвкусица. Провинцией так и прет из каждого угла. Да еще и грязь, пылюга кругом. И продавщицы с вечно недовольной миной на лицах. Вроде одолжение тебе делают за твои же деньги. «Сколько, интересно, еще десятилетий нужно, чтобы выветрился окончательно из провинции этот застоялый замшелый совок?! – кривился от негодования Андрей Степанович. – Уже двадцать лет как рухнул, а до сих пор ничего существенным образом не меняется...»

Набрал почти полную корзинку. И курочку копченую. Вредно, конечно, но очень вкусно! Разве устоишь? Салями. Нарезанную тонкими аппетитными пластинками семгу в вакуумной упаковке. И парочку банок любимых маслин, фаршированных анчоусами, прихватил до кучки. И маленькую плоскую – с паштетом из гусиной печени, мысленно облизываясь в предвкушении обалденного холостяцкого ужина.

Уже подойдя к кассе, встав в очередь, опять зачем-то достал из корзинки крошечную золотистую баночку паштета. Еще раз, теперь внимательнее, перечитал надпись на этикетке: «Чешское качество – за бабки». Подкинул, повертел в руке, соображая. И почувствовал, как где-то внутри будто щелкнул какой-то переключатель и оттуда начала подниматься тяжеленная волна закипающей лютой злобы: «Вот же сволочи!.. И тут уже со своей фенюгой?!.. Хозяева жизни гребаные!» Сжал, сдавил жестянку в кулаке, едва не сплюснув, и, не глядя, с силой зашвырнул на ближайшую полку с бакалеей. Раздался грохот. На пол посыпались упаковки с вафлями, печеньем. Шмякнулся и лопнул пакет с сахарным песком, разметав во все стороны белые ровные пунктиры, будто лучики от солнца на детском рисунке. Все стоящие в очереди моментально обернулись. Испуганно глянула в его сторону молоденькая кассирша. «Извините... Я сейчас... собираю», – пробормотал сконфуженно и, шагнув к полке, не чинясь, присел на корточки.

АНДРЕЙ

– Слышь, ма, а Манька-то со своим на Рождество на Майорку катит! Круто, да?.. – восторженно встрепенулась Ксения и тут же, переменившись в лице, обиженно суксилась. – Везет же рыжей?! Весной в Нормандию ездила, а теперь на Майорку... Вот бы мне!.. Ну чем я хуже ее?.. Скажи? А, мам?

– Никто же не говорит, что ты хуже... Не болтай глупостей, – тут же откликнулась Ольга. – Да и вы же с Колей тоже почти два месяца летом в Хургаде провели?

– Ну разве можно сравнить какую-то стремную Хургаду и Майорку? Ну ты сказала, ма! Это же полный отстой! Почти совок ваш... Ну, может быть, чуть-чуть лучше...

– Ничего. Придет время, и вы с ним съездите...

– Да уж, придет!.. Ему же таких денег и за год не сделать... Точно...

– И как в институте? Нравится? – воспользовавшись паузой, робко вклинился в разговор Мостовой, устав от роли бессловесного и безликого статиста.

– Нормально, – коротко бросила Ксения, не отрывая взгляда от раскрытого ноутбука, продолжая чатиться с подругой. – Вау!.. Слышишь, ма! Иди посмотри, в каком бунгало они жить будут! Иди скорей – Манька сбросила... Круто, да? Вот это я понимаю – мужчина! Не то что некоторые...

Какой-то попсовый хит неожиданно громко грохотнул ба-

сами в наступившей тишине. Ксюша тут же подхватила телефон, приложила к уху, небрежно отбросив в сторону мешающий завиток вьющихся, как и у Ольги, светло-каштановых волос. Молча выслушала абонента и, быстро отключившись, вскочила на ноги:

– Все ма... па, я побежала. Ребята приехали. Буду вечером... Подождешь? – вполоборота бросила отцу.

– К сожалению, не получится... – смутился Мостовой. – У меня же самолет в три...

– Ну, ты же еще приедешь?.. Правда? – спросила, не поднимая глаз, явно для проформы. И, не дожидаясь ответа, подхватила сумочку и метнулась к порогу.

– Конечно... – начал было Мостовой и тут же растерянно осекся. Ксении в комнате уже не было.

Не вышло у Мостового после трех лет, проведенных в разлуке, никакого душевного разговора с повзрослевшей дочерью. Да он на это и не особенно рассчитывал, ведь никаких действительно близких, доверительных отношений между ними никогда и не было. Ксюше едва исполнилось десять лет, когда в одночасье глупо и страшно рухнул совок и началась эта дикая, изматывающая душу гонка на выживание. Она отнимала тогда у Андрея буквально все силы, и он в какой-то момент допустил непоправимую ошибку – практически самоустранился от воспитания ребенка, продолжая тешить себя наивной надеждой, что Ольга, как и всякая другая

разумная женщина, все-таки будет по-прежнему поддерживать в глазах дочери его отцовский авторитет. Но все произошло с точностью наоборот. Ольга путем нехитрых, а иногда и просто не совсем чистоплотных ухищрений постепенно низвела этот его и так уже очень зыбкий авторитет до полного нуля. И когда подрастающий ребенок, с легкой маминной подачи, совсем перестал воспринимать его всерьез, когда из его лексикона как-то совершенно незаметно выпало слово «папа», пытаться что-то исправить было уже поздно. Андрей так и остался в полном одиночестве на своей стороне расползающейся пропасти, все больше и больше с каждым годом разделяющей их семью.

Теперь он сидел и с тоской смотрел на свою повзрослевшую дочь, превратившуюся из угловатого подростка в красивую и уже явно знающую себе цену молодую женщину. Смотрел и запоздало сожалел о своей давнишней катастрофической ошибке. И тут же утешал себя мыслью, что это где-то даже хорошо, что Ксюша уже давно привыкла обходиться без его участия и помощи. Ни алименты, ни частые посылки с подарками помощью, естественно, не назовешь. Это скорее похоже на жалкий банальный откуп.

Получалось, что он где-то в глубине души даже доволен тем, что несколько не похожая на него, со своими полностью сформировавшимися, в точности слизанными у матери, примитивно меркантильными понятиями о жизни, она теперь совершенно не зависит от него, и груз ответственности за нее

уже не так сильно давит ему на плечи. Такая гнусная подоплека уважения к себе ему, естественно, не прибавляла, но как бы там ни было, а против правды не попрешь.

– Она живет с мужчиной? – хрипнул Мостовой, нарушив затянувшееся молчание.

– ... – Ольга не ответила, только поджала губы, словно он допустил в разговоре какую-то явную бестактность. Но через мгновение, старательно уводя разговор в сторону, спросила: Сертификат-то получил?

– Нет еще, – неохотно ответил Мостовой: В следующем году вроде обещают.

– А твои-то однокурсники давно уже получили. По крайней мере те, кто у нас, в Питере, – произнесла она с явной подначкой, и глаза ее словно укоряли: «А ты все такой же пентюх непутевый!» – Паша Григорьев так и вообще – на четверых! Представляешь? Он даже маму туда вписал каким-то образом. И свою квартиру в закрытом гарнизоне умудрился приватизировать и продать...

– Я очень рад за него, – язвительно отозвался Андрей, по инерции ввязываясь в ненужную пикировку, ожидая от своей бывшей «благверной» привычного продолжения. Дальше непременно пойдут ее горькие жалобы на безрадостную, полную «жутких лишений» жизнь с законченным недотепой, не способным «устроиться, как все другие». Потом обязательно последует ничем не мотивированный мерзкий пере-

ход на личности. На его, конечно же, родню – до седьмого колена, якобы страдающую всеми известными человеческими недостатками и пороками. Но этого, к его удивлению, не произошло. Ольга вовремя опомнилась:

– Извини... Это уже, к счастью, меня не касается.

– Естественно, – буркнул Мостовой, теперь уже, в свою очередь, легко пропустив мимо ушей это ее «к счастью», и, посмотрев Ольге в глаза, устало ухмыльнулся: «А ведь ты тоже, родная, заметно изменилась. Да и все мы меняемся с возрастом. Не без этого...»

– Слушай, Андрюша, ты так неожиданно... – спохватилась Ольга. – У меня же совсем пустой холодильник!

– Ничего не надо, я все принес. Зашел в магазин по пути.

– Ну что ты там принес? Все равно мне надо. Я же борщ как раз варю. Хватилась, а томат-паста кончилась. Посидишь немного? Я мигом. У нас здесь маркет – за углом. Да ты же знаешь, – и зачем-то накрыла его руку, лежащую на кухонном столе своей теплой ладошкой. Мягкой ухоженной ладошкой с закругленными, трубочкой, ноготками с идеальным светло-перламутровым маникюром. Со знакомым круглым пятнышком детского ожога в ложбинке между большим и указательным пальцами, к которому когда-то так сладко было прикасаться губами. И уже давно забытое чувство ответной нежности шевельнулось у него внутри. Шевельнулось, но тут же и затихло.

– Посиди... Я быстро, – после небольшой паузы, по-ви-

димому, вполне удовлетворившись результатом своей мелкой безобидной провокации, улыбнулась Ольга. – Можешь курить здесь. Сейчас дам пепельницу. Только окно открой пошире.

– Не надо, – откликнулся Мостовой. – Я лучше на балконе...

Дикая сумасшедшая какофония огромного города неприятно ударила по ушам. Мостовой недовольно скривился, бросив взгляд на забитый бесконечным автомобильным потоком Староневский проспект, зажмурился от холодной мороси, моментально забившей глаза. Тщетно попытался размять отсыревшую сигарету. Прикурил, чувствуя, как смог мерзкой вонючей отравой вливается в легкие вместе с табачным дымом. И курить моментально расхотелось. Сделал только пару коротких неглубоких затяжек и, растерев о донышко стеклянной банки недокуренную сигарету, вернулся обратно в кухню и плотно прикрыл за собой балконную дверь.

Стойкий, прилипчивый запах волгллой хвои. Тихий, занудливый шелест дождя в сосновом бору на северной окраине Озерковского кладбища. Лица отца и мамы – с покрытой дрожащими прозрачными каплями овальной фотографии на темном граните... Еще молодых – едва за пятьдесят, глядящих прямо в глаза с каким-то непонятным немим укором...

Только сидя в самолете, расслабился, выдохнул с полным облегчением. Встреча с Ольгой и дочерью получилась и скомканной, и тяготящей одновременно. Впрочем, того и ожидал. Ведь нет ничего глупее попытки вернуться в прошлое. И неважно – каким это прошлое для тебя было: светлым и безмятежным или совершенно безрадостным. Это как глупая блажь – поковыряться на старом пепелище. Да если и отыщешь что-то важное – так все равно давно и окончательно испорчено огнем и водой. Ни к чему эту находку уже не приспособить. Никуда уже она не годится.

Но ощущение того, что все-таки сделал что-то, пусть и неприятное, но крайне важное для себя, Мостового уже не покидало. Как будто камень с души снял...

Чуть больше получаса до «Павелецкого» в скоростном экспрессе из «Домодедово» – словно продолжение затянувшегося полета. Гудящий, раздражающий людской муравейник в переходе с «Кольцевой». Гулкая полупустая платформа «Владыкино». Знакомый дешевый частный магазинчик – на углу панельной пятиэтажки.

Не утерпел. Заскочил в соседний подъезд. В два длинных глотка прикончил плоскую фляжку бренди, и мгновенно оттаяло, потеплело внутри.

Выходя из грязного обшарпанного, залитого водой перехода к гостинице «Алтай», едва не угодил под машину, рез-

ко, с громким визгом затормозившую в полуметре. Вяло отбредался «по матушке» в ответ на дикий вопль возмущенного водителя.

По пути к номеру грубо отбрил нарисовавшегося в пустынном, темном и мрачном, пахнущем пыльными дорожками коридоре назойливого сутенера. Закрыл дверь на два оборота и, распахнув настежь окно, рухнул в одежде на застланную свежим накрахмаленным бельем узкую односпальную кровать. Надо было встать и раздеться. А иначе – какой сон? Но шевелиться совершенно не хотелось. Сил уже не было.

ВАН ДЭН-лао⁴

– Да, Ван лаоши⁵, я все понял... Вам не следует беспокоиться. Я все проверю... И на полигоне, и в лаборатории. И он поймет, что с вами нельзя шутить, – заверил Ли Вэйгу и склонил голову в почтительном полупоклоне.

Ван Дэн-лао посмотрел на приемыша долгим испытующим взглядом. Он все-таки успел заметить, как в его глазах сверкнула искорка радости, и старые сомнения опять проснулись внутри. Но он не позволил им разрастись и набрать силу. Для этого пока еще не было никаких серьезных оснований. Мальчишка, кажется, не особенно изменился после длительного общения с этими слабыми, никчемными, потерявшими элементарное достоинство русскими. По крайней мере, это пока совсем незаметно... А научиться надежно скрывать от окружающих свои эмоции он еще, конечно же, успеет. Ведь ему едва исполнилось тридцать три. И только через два года он получит свою новую почетную приставку к фамилии.

– Хорошо, – согласился Ван Дэн-лао, – тогда ты можешь отдохнуть перед дорогой. – И, по-отечески потрепав Вэйгу

⁴ Лао – «старый» или «старший» – приставка к фамилии при обращении к человеку в возрасте старше тридцати пяти лет (*кит.*).

⁵ Лаоши – «учитель» – уважительное обращение к человеку, не обязательно имеющее отношение к его профессиональной принадлежности (*кит.*).

по плечу, прибавил: – И будь теперь поосторожнее с ними. В особенности – с Бельдиным. Он очень скользкий и ненадежный человек... Я уверен, что ты не забыл своего просчета с Глотовым?.. Можешь не отвечать, сядь Ли... Я знаю, что это так...

После ухода Вэйгу Ван Дэн-лао долго стоял, скрестив руки на груди, пристально, как будто в первый раз, разглядывая ажурный колченогий столик с головами грифонов по углам, покрытый темным матовым лаком. Потом, не без усилия, словно настраиваясь на какую-то тяжелую, но необходимую работу, скользнул взглядом на старинный дисковый телефон с изящной золоченой трубкой в виде изрыгающего пламя летящего дракона. Но так и не решился протянуть к ней руку. Время еще позволяло слегка отсрочить смертельно опасный, но давным-давно назревший звонок в Сянган.

Его долготерпению действительно пришел конец. Он больше не мог и не хотел мириться с совершенно очевидной несправедливостью. Он был просто обязан наконец исправить это крайне унижительное для себя положение. Хотя бы для того, чтобы в какой-то мере восстановить утраченное самоуважение.

«Этот старый скряга, – неосторожно возвращаясь к застарелой незаслуженной обиде, опять продолжал исходить кипящей желчью Ван Дэн-лао, – покупает у меня тигриную шкуру за какие-то жалкие двадцать пять тысяч... И тут же,

выставляя ее на аукцион, назначает стартовую цену в пятьдесят, а то и в семьдесят пять... Уходит же этот ценнейший штучный товар минимум за сто, а иногда и за двести пятьдесят тысяч долларов! Без малого четверть миллиона каждый раз неизменно оседает в его бездонном кармане!.. Ну разве это справедливо?! Или та же медвежья желчь, кабарожья струя?.. Любое снадобье, приготовленное в его аптеках на их основе, стоит уже в пятьдесят-шестьдесят раз дороже исходных ингредиентов! А оттого и прибыль его во столько же раз выше моей!.. Теперь же, когда речь идет об алмазах, стоимость вопроса вообще возрастает стократно!!! И это при его минимальном риске, ведь он же принимает товар только в Гуанчжоу. А оттуда уже просто рукой подать до Сянгана!.. Всего каких-то жалких семьдесят пять миль!.. А мне-то приходится доставлять груз буквально через весь материковый Китай?!»

«Что же я делаю?! – спохватился Ван Дэн-лао, и его круглое лоснящееся лицо перекосило от внезапного испуга. – Надо немедленно остановиться!.. Надо немедленно успокоиться... В таком состоянии ни в коем случае нельзя вести разговор с этим прожженным хунхузом... Это совершенно недопустимо!»

Ему опять предстояло унижаться и лебезить, но он прекрасно понимал, что на этот раз и этого будет мало. Убедить Энди Лу пойти на уступки ничуть не легче, чем уговорить кобру поделиться пойманной добычей. Одно-единственное

неверное, неосторожное движение – и тут же последует молниеносный бросок, от которого уже не увернуться. И недели не пройдет, как прибудет в Хэйхе отправленный им из Сян-гана «гонец смерти»⁶. И тогда уже ничего не исправишь, не отыграешь назад... С Энди Лу шутки плохи.

Необходимо было предельно сосредоточиться и продумать все до тонкостей. Взвесить на самых точных, безупречно откалиброванных весах каждый нюанс, каждое слово, каждую интонацию предстоящего разговора. Ведь «даже Будда, если он из глины, не уцелеет, переходя реку вброд»⁷. И, чтобы как можно быстрее вернуть себе утраченное душевное равновесие, Ван Дэн-лао несколько раз глубоко и протяжно вздохнув, задержал дыхание и прикрыл глаза. Но это не сработало. Не помогло. Не принесло никакого облегчения. Раздражение по-прежнему не отпускало. И тогда он решил прибегнуть к самому надежному, не раз проверенному, действительно радикальному средству. Решительно пересек комнату и опустился на широкую и низкую софу, покрытую огромной тигриной шкурой. Откинулся на спину и замер в ожидании. И только теперь, ощутив под ладонями густой и пахучий зимний кошачий мех, почувствовал, что его инь и ян начинают постепенно приходить в привычную полноценную гармонию, и в растревоженной душе наконец наступает долгожданный покой.

⁶ «Гонец смерти» – наемный убийца.

⁷ Старая китайская поговорка.

И, погружаясь в вязкую и сладкую истому, он, вспомнив вдруг старое китайское поверье о том, что долгий контакт с тигриной шкурой может превратить человека в зверя, самодовольно ухмыльнулся: «Не мне же, в конце концов, этого бояться?.. Ведь я же и так – настоящий Ван...»⁸

⁸ Иероглиф «Ван» имеет значение «тигр» (*кит.*).

ЛИ ВЭЙГУ

Трогаясь с места, слишком сильно нажал на педаль газа своего новенького серебристого «Geely Vision». Машина рванулась вперед и едва не задела бампером неожиданно вылетевший на встречную полосу микроавтобус. В самый последний момент успел ударить по тормозам. Кровь прилила к лицу, но Ли Вэйгу быстро справился с собой и продолжил движение. Перевел обогреватель на усиленный режим работы, и в салон тут же полилось мягкое обволакивающее тепло. Приспустил боковое стекло и прикурил.

Очень скоро пришлось до предела снизить скорость и включить «дворники». Мелкий морозящий дождик как-то совершенно незаметно перешел в сильный снегопад. Крупные мокрые хлопья закружили в воздухе, с каждой минутой все больше ухудшая видимость.

«Нет, – мысленно возразил Ли Вэйгу, возвращаясь к прерванным размышлениям, – хозяин, конечно же, не прав, утверждая, что все, без исключения, русские – люди безвольные и никчемные. Это, естественно, не так. Они такие же разные, как и мы... Порою просто удивляют своей целеустремленностью и твердым характером... Если бы не эта их поголовная, просто какая-то патологическая тяга к алкоголю, привычка непременно заливать вином буквально все –

и радости, и печали... По какой-то непонятной причине совершенно не понимают, что это только мешает делу. Каждый раз отбрасывает на несколько шагов назад... Да еще это глупое и недостойное мужчины желание облегчить душу в пьяном состоянии... Сколько этих жалких, слезных пьяных откровений пришлось уже выслушать за долгие годы общения с ними!.. Да тут никакого пресловутого азиатского терпения не хватит!»

Рассуждал неторопливо и обстоятельно. Как и привык: всегда и по любому поводу. А ведь еще каких-то пятнадцать лет назад даже самый строй его мыслей был до крайности примитивен и неуклюж. И дело было не только в возрасте... Просто тогда он был никем... Жалкий, забитый изгой... Без имени... Без фамилии... Без всякого права на жизнь...

Третий незаконнорожденный⁹ ребенок в нищей семье крестьянина Ли Дзявея из небольшой деревушки, приткнувшейся к излучине мутной извилистой речушки в полутораста километрах от Хейхе...

Не жил, существовал, как загнанный, затравленный зверек, вздрагивая от каждого шороха, в темном углу крытого прелой соломой покосившегося сарая. Да и сама эта жалкая, скотская жизнь его тогда буквально висела на волоске. Стоило любому посетившему местечко чинуше, даже самому мелкому и незначительному, заглянуть в этот темный во-

⁹ Согласно китайской правительственной программе «одна семья – один ребенок» сельские жители, в отличие от городских, имеют право иметь двоих детей.

нующий сарай, как она могла тут же оборваться. Оборваться через минуту...

Но все в его жизни вдруг изменилось в одночасье. Так, видно, было угодно провидению.

Богатый и влиятельный Ван Дэн-лао, владелец самого дорогого в Хэйхе ресторана «Синь янь», подарил ему новую жизнь. Купил ему настоящее имя и фамилию. И в благодарность за это он совершенно растворился в своем новом хозяине. С собачьей преданностью в глазах бросался выполнять любые его поручения. А уже через полгода научился безошибочно предугадывать все его желания – даже самые потаенные, тщательно скрываемые от окружающих, обещая в минимальный срок стать безупречным образцовым слугой.

И Ван Дэн-лао, присмотревшись к мальчишке повнимательней, решил в очередной раз одарить его своей милостью – позволил получить начальное образование. А потом и среднее. И Вэйгу не разочаровал хозяина. За два года по уровню знаний абсолютно сравнялся с одноклассниками, а кое в чем и даже обогнал их за счет своей неумемной тяги к чтению. Он стремился всегда и во всем быть только первым, до последнего юаня оправдывая вложенные в него немалые средства.

Когда Вэйгу исполнилось двадцать лет, Ван Дэн-лао назначил его в помощники к Ву Дай Линю, контролирующему один из самых трудных и проблемных участков нелегального контрабандного бизнеса – работу с русскими поставщика-

ми. И здесь Вэйгу не оплошал. Показал себя с самой лучшей стороны. В минимальный срок изучил все нюансы непросто-го и опасного дела.

Казалось бы, дальнейшая судьба его теперь была окончательно определена, но провидение снова вмешалось в ход событий. Уже понимая, что из мальчишки может получиться нечто большее, чем еще один, пусть и на редкость преданный слуга, хозяин решил продолжить его образование в России. К тому времени отношения между стремительно меняющимися соседними странами начали понемногу налаживаться. Появились реальные возможности для ведения теперь уже и вполне легального совместного бизнеса. И Ван Дэн-лао, дабы опередить потенциальных конкурентов, немедленно принял участие в создании в Хабаровске одной из первых российско-китайских консалтинговых компаний. После успешного окончания Хабаровского института экономики и права Ли Вэйгу, по милости хозяина, занял в этой уже успешно миновавшей период становления компании место полномочного представителя китайской стороны. Взялся за дело засучив рукава, стараясь не ударить в грязь лицом перед своим щедрым покровителем, и очень скоро удвоил, а потом и утроил количество заключаемых компанией контрактов, тем самым многократно увеличивая получаемую Ван Дэн-лао прибыль.

Жизнь его постепенно устоялась и наладилась. Все в ней теперь было удобно и продумано до мелочей. Уютная двух-

комнатная квартира с дорогим евроремонтом в престижной многоэтажке на Шеронова. Отличная машина, с тремя восьмерками¹⁰ на номере, совсем недавно сошедшая с конвейера Пекинского автозавода, приобретенная в пику более дорогим и престижным «японкам» вовсе не из-за отсутствия средств, а лишь исходя из сугубо патриотических побуждений. Обставленный добротной современной мебелью офисный кабинет в старинном здании, находящемся буквально в двух шагах от городской администрации. Молоденькая безотказная секретарша Маша, за щедрое вознаграждение, кроме всего прочего, предоставляющая ему интимные услуги «без отрыва от производства», прямо на рабочем месте...

Неожиданный вызов в Хэйхе грянул для него как гром среди ясного неба. И особенно огорчило Вэйгу то обстоятельство, что хозяин на этот раз приказал ему временно сдать дела помощнику. А это означало, что нынешний вояж предполагает собой длительную отлучку из Хабаровска. Но после шести лет безмятежной жизни уже совсем не хотелось, даже «на время», возвращаться в опасный нелегальный хозяйский бизнес и снова ходить по лезвию ножа. Его несколько не прельщала гнусная перспектива при любой допущенной ошибке угодить в цепкие руки российских спецслужб или стать разменной картой в банальных, но от этого ничуть

¹⁰ Цифра 8, согласно традиционной китайской нумерологии, считается счастливой – приносит богатство и удачу в делах. Поэтому автомобильные номера у машин высокопоставленных чиновников и серьезных бизнесменов часто включают в себя эту цифру, а иногда и вообще состоят из одних восьмерок.

не менее опасных бандитских разборках. Или, что еще хуже – поменять свой давно уже обжитой комфортабельный офисный кабинет на лишенную света камеру на нижнем¹¹ этаже китайской тюрьмы. И долгие годы, а может быть, и до самой смерти, окончательно оглохнув и ослепнув, ползать на карачках по скользкой жиже, поминутно отбиваясь от крыс. От такой перспективы все сжималось у него внутри, и начинало погано сосать под ложечкой. Ему впервые захотелось послушаться хозяина. Но, понимая, что это не приведет ни к чему хорошему, он, сцепив зубы, все-таки вернулся в Китай.

Как он и ожидал, новое поручение хозяина было связано с огромным риском. Ему надлежало посетить с «инспекторской» проверкой укрытый в глухой приморской тайге нелегальный алмазный прииск – место очередных крупных хозяйских инвестиций. А скорее всего – и не только хозяйских. Можно было с большой долей уверенности предположить, что через Ван Дэн-лао туда закачиваются средства весьма высокопоставленной пекинской номенклатуры... И особое внимание во время этой «инспекционной» поездки Вэйгу должен был уделить состоянию дел в расположенной на территории этого прииска лаборатории, производящей психотропные вещества по личному заказу хозяина. Естествен-

¹¹ Китайские тюрьмы традиционно располагаются под землей. Наверху – только заграждение и сторожевые вышки. Чем тяжелее преступление, тем ниже располагается камера заключенного. Самые опасные преступники отбывают срок заключения на нижнем, лишенном света этаже высотой не больше метра.

но, не будучи специалистом ни в одной из этих областей, Ли Вэйгу не мог самостоятельно разобраться во всевозможных технических тонкостях, но этого от него и не требовалось. Соответствующие специалисты, загодя направленные Ван Дэн-лао на прииск, давно уже дожидались его на месте. В его же задачу входило общее руководство их работой, как особо доверенного хозяйского лица. Его личное непредвзятое впечатление от увиденного – вот что, очевидно, было очень важным для хозяина... Кроме всего прочего, ему надлежало выполнить и еще одно строго конфиденциальное хозяйское поручение. И, как догадывался Ли Вэйгу, именно это и было главным во всей его опасной инспекционной поездке... Одно утешало Ли Вэйгу – Ван Дэн-лао пообещал после возвращения и доклада о результатах опасного таежного вояжа отпустить его в Хабаровск и больше уже никогда не привлекать к участию в своем насквозь криминальном контрабандном бизнесе. А ради этого, конечно же, стоило постараться! Конечно – стоило! Игра в этом случае, безусловно, стоила свеч...

Въехав в Суйфенхэ с северной стороны, Ли Вэйгу, уверенно пропетляв по грязным кривым закоулкам, выбрался на прямую, как стрела, дорогу и через несколько минут подъехал к буддийскому храму. Оставив машину на стоянке, медленно, в раздумье, поднялся по крутым щербатым ступеням и замер, остановившись у подножья статуи богини милосер-

дия и сострадания всеблагой шестирукой Гуань-Инь. Но на колени опускаться не стал, а только почтительно склонил голову и зашептал слова своей незатейливой, но искренней импровизированной молитвы. Холодный осенний ветер лез за воротник, злобно швырял в лицо пригоршни мокрого снега, слепил, вышибая слезу, пронизывал его насквозь. А он все шептал и шептал, униженно и отрешенно, все больше и больше входя в раж, надеясь, что всемилостивый бодхисатва¹² услышит наконец и поймет все то, что давно тревожит, гнетет его. Поймет и поможет ему освободиться от «цепей» и обрести свободу. Поможет ему стать хозяином своей судьбы.

¹² Бодхисатва (бодисатва) (санскритское: то, чья сущность – просветление) – символ сансары – нескончаемого круга земного существования. В буддизме – идеальное существо – наставник и образец для всех других людей, ведущий их по пути нравственного совершенствования к достижению нирваны.

АНДРЕЙ

Огромная площадь трех вокзалов гудела, как гигантский пчелиный улей. Громкой разноголосицей буквально хлестало, било по ушам. Мостовой с трудом, чертыхаясь под нос, пробился через мельтешащую перед глазами толпу на знакомую крайнюю платформу. Свежеокрашенная бело-синяя «Россия» уже стояла на первом пути. Началась посадка.

Поздоровался с молоденькой конопатенькой проводницей, подал билет и паспорт. Кто-то сзади сильно пихнул его в плечо. Андрей резко обернулся с намерением отпустить по адресу наглеца пару ласковых, но так и застыл с открытым ртом:

– Саня?! Ты?!.. Какими судьбами?!

– А угадай из трех? – весело трепанул Сашка Славкин. Сграбастал, сдвинул Мостового, как в тисках. Здоровенный, вечно улыбающийся дылда-баламут, бывший сослуживец, с которым не меньше пяти лет когда-то состояли в тесных дружеских отношениях. Еще молодыми летехами служили в одной части в пятидесяти километрах от Хабаровска. Только Андрей в батальоне связи, а Славкин в разведроту. Потом их пути-дорожки разошлись. Мостового перевели в Зареченск, а друг его в тот же день улетел в Ташкент, что означало тогда однозначно – в самое крутое пекло – в Афган.

– А что в наши-то края?

– Так я ж в Ольховке сейчас... Почти рядом с тобой... Ты-то как, – еще лямку тянешь? – спросил Саня.

– Да что ты?.. Давно на пенсионе. Еще в девяносто пятом – по оргштатным... А ты?

– Аналогично... Как уволился, так и застрял... Слушай, Андрюх, я тут в соседнем – в СВ. Стой здесь. Не садись пока. Сейчас мы все организуем, – протараторил Славкин и бережно с озорными зайчиками в глазах облапил кажущуюся крохой в его широких лапищах проводницу: Ух ты, какая сладенькая!.. Сам бы ел!.. А скажи-ка, прелесть моя, в каком у нас тут вагончике бригадир?

– Во втором, но сейчас он где-то здесь – на перроне. Недавно видела, – явно млея в его объятьях, откликнулась девчушка, скромно пряча загоревшийся взгляд за редкими короткими белесыми ресничками.

– Премного благодарны! – продолжая балагурить, восторженно брякнул Славкин и, нагнувшись к самому девичьему ушку, что-то жарко и быстро зашептал. А через несколько мгновений щеки проводницы зацвели густым румянцем. – Да век воли не видать! – уже погромче, на публику, изрек Санёк и звучно чмокнул ее в пунцовую щечку. – Так что жди, солнышко... Вечерком на огонечек загляну... То бишь – заглянем...

В ресторан не пошли. Хотелось побыть наедине. Немало

за прошедшие годы у обоих на душе накопилось. Каждому из них было чем со старым другом поделиться.

– Ну, давай, старче, давай-давай, рассказывай, – поторопил Саня, едва дождавшись, пока официант накроет на стол и выйдет из купе.

– Мне... долго, – отнекался Мостовой. – Давай-ка ты, Санёк... Как там Ирина? Детишек завели?

– А то!.. Уже шестнадцать дочери... Но... с Ириной мы давно разошлись... Так уж получилось... Сейчас вот ездил в Саратов навещать... А дочурка у меня – умница! Красавица – вся в мать... Языки «глотают» запросто! Вот окончит школу и – в иняз. Да и вообще – хороший вырос, добрый человек...

– Ну вот, – хмыкнул Андрей, отвинчивая пробку с коньячной бутылки. – На первый тост, считай, с тобой наскребли... Я же тоже к своим-то ездил... Уже три года с Ольгой врозь живем... Так что давай потянем за холостяцкое святое братство...

– Извини, Андрюша, – мягко возразил Славкин, и улыбка сошла с его лица. – Давай за это – по второй... А первый не чокаясь...

– Прости, Санек... Забыл, что ты воевал... Да и мне, можно сказать, вроде как... тоже пришлось... Так что есть... кого помянуть...

– Где?

– Потом расскажу... – увильнул от ответа Андрей. – Ну,

давай, Сань, – поехали.

Пили. Закусывали. Гоготали во все горло, вспоминая свои былые бесчисленные молодецкие забавы и каверзы. И вроде как теплее на душе становилось. И легче вроде.

А потом и о серьезном речь зашла. Куда уж без этого? Да еще и коньяк, конечно, язык подразвязал.

Первым Саня исповедался. Внешне бесстрастно, еще не сильно захмелел к тому времени, делился воспоминаниями о своей тяжелой и страшной боевой работе. Делился скупой, по капле, без каких-либо красочных ненужных описаний. Потому и крепко хватали его слова за сердце. И першило в горле. И руки непроизвольно сжимались в кулаки. И словно виделось все воочию... Газни... Кандагар... Горящий кишлак под Калатом... Оторванные взрывом ножки ребенка... Блестящие цинки «двухсотых» в раскаленном чреве вертолета... Один на одном, как ящички в архиве...

Слушал его молча, не перебивая. Пускай до конца выговорится, облегчит душу. Да и время не торопил. Совсем не хотелось почему-то в свою очередь сокровенным делиться. И даже с ним – с проверенным и верным другом. Уж слишком личное все!.. Слишком!

Но все равно пришлось. Как ни юли, а куда ты денешься после стольких дружеских откровений. И в момент словно кто-то на плечи каменную глыбу навалил. Слова больные и убогие рождались у него внутри долго и мучительно, как ре-

жущиеся молочные зубы у младенца. Изо всех сил напрягал и напрягал себя, стараясь рассказывать обо всем по порядку. Почти обо всем. Почти без утайки. И снова вставали перед ним страшные картины из прошлого... Дикая бойня на таежной заимке... Петрович на полу с перерезанным горлом... Серега – с торчащим из затылка напильником... Извивающееся в пламени горящего снегохода тело Глотова... Его истошный предсмертный вопль... И остекленевшие, широко распахнутые глаза Трифона... И срезанные пулеметной очередью кержаки, падающие на землю, как сбитые пустые кегли... И бьющее по натянутым нервам предсмертное ржанье Моркошки из ловчей ямы...

А потом, когда уже стал окончательно задыхаться, словно горло опять, как когда-то, перехватило прочною стальной удавкой – и белое восковое лицо лежащей в гробу Танюшки... И рыжий непослушный завиток ее волос, выбившийся из-под желтой пергаментной полоски на лбу с золочеными буквами отпечатанной на ней молитвы... И стылый обжигающий холод ее щеки – на своих твердеющих и отмирающих губах...

Продолжили в вагоне-ресторане. Естественно – не хватило. Но теперь уже никто не мог им помешать. Никого вокруг уже не замечали. В переполненном народом шумном помещении для них теперь как будто бы стояла полная, первозданная тишина.

Да и выплеснув наболевшее, теперь уже все больше молчали. И пили. Пили – без тостов. Не чокаясь. Словно опять и опять – за помин.

– И что, Андрюха, ты все это... так и оставил?.. – прохрипел уже в конец осоловевший Славкин. – А, браток?.. Отвечай, давай...

– Да нет... Не бросил... Нет... До всех доберусь... – ответил Мостовой, мотнув отяжелевшей головой. – Я их теперь... калечить буду... Понимаешь?

– Ка-ле-чить, бр-а-ат? – задумчиво протянул Санёк. Прицокнул языком. – Не-е-ет, Андюха, так дело не пойдет... Со всем не в дугу, браток... Все это, паря, – полная шняга... Гасить их надо... Мочить, как сук, въезжаешь?

– ...

– Чего молчишь?.. Чё ты молчишь, а?

– Пойдем-ка в тамбур покурим. Здесь не хочу.

– Пошли...

– Смotal на хрен! – рывкнул Славкин на курившего у окошка мужика.

– Саня, кончай... Не бучи... Чего ты к человеку привязался? – попытался Мостовой утихомирить друга. Но больше никакого заступничества с его стороны уже не потребовалось. Мужик, решив, как видно, не обострять ситуацию, не нарываться на неприятности, мигом затушил бычок и пулей выскочил за дверь.

– Так говоришь – калечить?.. – вернулся к прерванному разговору Саня. – Дурак ты, Андрюш!.. Дебил ты безмозглый! – начал он постепенно заводиться. – Да что ты один вообще-то можешь? Да чё ты умеешь, парень?!

– Ладно... Завязывай бочку катить, – примирительно проговорил Мостовой и дотронулся до его плеча.

Неожиданно Славкин качнулся вперед и ухватил запястье Мостового. Резким движением взял его руку на излом и сбил Андрея с ног. Грубо подмял под себя. Схватил за волосы. Болезненно приложил, пристукнул головой к металлу. Да так, что у того зазвенело в ушах, заломило в затылке.

– Ты что озверел, идиот?! – заорал Мостовой, вырываясь. Но крепкие лапы Славкина держали его на месте, как громадные клещи.

– Мудак! – цедил Санек сквозь зубы, брызгая слюной. – Да что ты вообще-то знаешь?!.. Да кто тебя вообще-то учил?! Да что ты один-то можешь?! – Шипел и шипел он с пеной у рта, а мертвые холодные его глаза совершенно спокойно и равнодушно смотрели на Андрея с побелевшего, перекошенного от злости лица.

АЛИНА

– Точно не будешь? – с явной издевкой переспросил Самвел Арутюнян – глава порядком потрепанной «в боях», но еще не совсем растерявшей вес армянской диаспоры Зареченска.

– Нет, – с небольшой заминкой ответила Алина Васильевна Савченко (бывшая жена бывшего начальника ГОВД, некогда – преуспевающая бизнесвумен, а ныне – начальник Управления торговли и экономики городской администрации), стараясь не глядеть на стоящее на столе громадное глиняное блюдо с пышущей жаром аппетитно пахнущей бастурмой¹³.

– А, может быть, хаш¹⁴ или мусаху?¹⁵ – не унимался Самвел. По его довольной лоснящейся физиономии с тройным жабым подбородком было видно, что ситуация его откровенно забавляет. – Тебе же кушать надо?! Совсем дошла, бедная...

– Ну я же сказала – нет, – нетерпеливо прервала его Али-

¹³ Бастурма – блюдо традиционной армянской кухни – маринованный шашлык со сложным гарниром.

¹⁴ Хаш – подаваемое к столу очень горячим мясное блюдо из вареных бараньих и телячьих ног (*армянская кухня*).

¹⁵ Мусаха – мясо с тушеными овощами (*армянская кухня*).

на, – только катнапур¹⁶...

– Ну, как хочешь, дорогая... Тогда жди, – с показным сочувствием вздохнул Самвел, отдал подбежавшему официанту новое распоряжение и снова хитро прищурил свои пороссячьи глазки: – Диета, да?

– А ты не знаешь? – недовольно буркнула Алина. – Слушай, давай уже ближе к делу, – сказала, но тут же, опомнившись, торопливо извинилась, сообразив, что перешла в разговор с патроном на неверный опасный тон.

Самвел сделал вид, что пропустил допущенную ею непозволительную вольность мимо ушей, благодушно улыбнулся и, не глядя больше в ее сторону, сосредоточил все свое внимание на давно заждавшейся любимой еде. В предвкушении предстоящего удовольствия вожаденно размял свои крупные ярко-красные, словно вывернутые наизнанку, губы, похожие на сложенные половинки разрезанного помидора. Церемонно оттопырив толстый волосатый мизинец, осторожно взял с блюда маленькую шпажку с кусочками истекающей соком мраморной баранины. Указательным пальцем другой руки, таким же толстым, как сарделька, сосредоточенно покопался в гарнире. Выудил покрытую расплавленным жиром лимонную дольку и замер в нерешительности, соображая, чему отдать предпочтение, что отправить в уже исходящий слюною рот в первую очередь.

Алина, стараясь отогнать подступающую тошноту, судо-

¹⁶ Катнапур – постный молочно-рисовый суп (*армянская кухня*).

рожно сглотнув, отвела глаза и принялась рассматривать унылый ноябрьский пейзаж за окном. Притихшую обмелевшую реку с редкими чахлыми кустиками по обрывистым скалистым берегам. Длинные ряды перевернутых у причала разноцветных лодок.

Молчала, терпеливо дожидаясь, пока флегматичный слоподобный Арутюнян с омерзительно громким чавканьем набьет наконец до отказа свою необъятную ненасытную утробу, и можно будет приступить к серьезному разговору.

Прошло почти три года с того злополучного дня, когда ее безотказного и бескорыстного по отношению к ней «ангела-хранителя» Стасика, продолжающего и после развода питать к ней самые нежные чувства, казалось – «всемогущего и непотопляемого хозяина района», банально слили и упекли на «зеленую» зону. Но, лишившись его поддержки, униженная, обобранная до нитки, Алина сдаваться и не думала. Да не на ту напали! Она не дрогнула. Не растерялась. Недолго думая, решила на предательство. Легла под своего заклятого врага. И не ошиблась. Не прогадала. Самвел Арутюнян пригрел ее, помог остаться на плаву, пристроив на хлебную должность в городской администрации. И даже приблизил к себе, предполагая в дальнейшем использовать ее «лучшие» качества в своих далеко идущих планах. Ведь он прекрасно понимал, что такой, как она – прожженной и беспринципной фурии, порою просто цены нет. На собственном опыте знал, как трудно устоять здоровому мужику перед смазливой сек-

сапильной бабенкой, да еще к тому же если ее Бог умом не обидел. Как трудно быстро просчитать ее, прояснить для себя настоящую мотивацию ее поступков.

Но и не только это принимал во внимание Самвел, приближая к себе Алину. Немало баб переимел, но ни одна из них ей и в подметки не годилась. Только Алина способна была в считанные минуты расшевелить его, раззадорить, заставить опять поверить в свои неиссякаемые мужские силы. Слыша ее громкие стоны, ощущая, как бьется она под ним буквально всем своим пронизанным похотью бабьим телом, похожий на старого бегемота, давно и неизлечимо страдающий «зеркальной болезнью» Арутюнян, словно возвращаясь в далекие молодые годы, снова чувствовал себя неотразимым и полным энергии мачо. А уж это точно дорогого стоило!..

Наконец, насытившись под завязку, Арутюнян звучно рыгнул и обессиленно отвалился от стола. И крепкое дубовое кресло испуганно завизжало под его массивным задом:

– А вот теперь... рассказывай, дорогая... – с трудом справляясь с подступающей икотой, выдавил он. – Детально и по порядку...

– В общем, так, Самвел, – моментально откликнулась она, – у нас сейчас там – полный переполох. Все буквально на ушах стоят... В полной растерянности... Кто?.. Зачем?.. Ну, сам понимаешь?..

– Да... Ситуация действительно кошмарная... Антоша капитально облажался... Я так думаю, что никаких следов не нашли?

– Никаких!.. А главное – непонятно кому вообще все это нужно?

– Ну, врагов у него хватает... Как и у каждого из нас. Хоть и проредил он их основательно... Я у Гургена спрашивал: команды сверху не давали... И как он там, кстати? Живой-то будет?

– Да нет... Ну, это же не смертельно, – покривилась Алина. – Пару недель поваляется, и все... Этот маньяк даже «Скорую» к нему вызвал. И кровотечение профессионально остановил... Короче говоря – настоящий фильм ужасов!

– Вот именно что – ужасов... Только зачем? Кого-то еще испугать? Панику посеять?.. Зачем?

– Не знаю, Самвельчик. Я тоже ничего пока не понимаю... – развела руками Алина. И, изменившись в лице, заговорщицки нагнулась к патрону. – Слушай, а может быть, воспользуемся ситуацией и свалим его? Пока они все в полной растерянности? Вернулся, мол, этот жуткий маньяк обратно и добил его?.. У тебя же, я знаю, есть для этого нужные люди?..

– Ты что, дура?! – испуганно хрюкнул Арутюнян и опасно закрутил головой по сторонам. – И не заикайся больше! Поняла?

– Поняла, поняла...

– И на алмазы эти даже рот не разевай, дура!.. И зачем держу такую глупую?..

– Ну, я не подумав ляпнула, Самвельчик... Ну, не сердись. Хорошо?

– Ладно, – успокоился Самвел, – прощаю... И чтобы больше ни одного слова я об этом не слышал. Надо законченной идиоткой быть, чтобы не понимать, какие большие люди за этим стоят. Это тебе не дериваты там всякие таскать. Здесь деньги просто сумасшедшие – нам не по зубам. Понимать же надо... Не девочка...

– Ну, не сердись, Самвельчик... Прости ты глупую бабу...

– Наоборот, надо помочь им... его найти. Первыми найти надо... Соображаешь?

– Теперь да, – загорелась Алина. – Я уже все понимаю...

– Так что слушаешь там все и везде, ясно?.. Чтобы я был постоянно в курсе всех дел. На тебе – администрация. Поняла? – отрубил и, помолчав немного, убрал недовольство со своей заплывшей жиром физиономии и снова разулыбился, расцвел, как майский день: – Пойдем-ка лучше, девочка-проказница, я тебя как следует отымею. А хочешь, наверно, да? Хочешь, а?

– ... – Алина тут же поплыла, томно закатив глазки. Поблудски откровенно облизала кончиком языка свои ярко накрашенные губки и бросила на Арутюняна призывный похотливый взгляд, умело разыгрывая привычную, годами отработанную роль. Она медленно поднялась из-за стола, огла-

дила блузку на все еще крепкой соблазнительной груди и поспешно отвернулась, боясь, что на лицо прорвется гримаса с трудом скрываемого отвращения. Высоко подобрав тесную и без того короткую юбчонку, она, не спеша, покачивая бедрами, как дешевая прошмандовка, спускалась вниз по лестнице, слыша за спиной хриплое дыхание распаленного страстью Арутюняна, а в голове ее крутилось и крутилось какое-то дикое, неизвестно откуда выдранное двустигшие: «Ну, подожди, скотина!.. Подожди!.. Ты мне, урод, за все еще заплатишь...»

БЕЛЬДИН

Алексей Константинович Бельдин посмотрел в зеркало, покрутил головой и удовлетворенно улыбнулся одними краешками тонких и острых губ. Стрижка его вполне удовлетворила. И даже бачки молодой, но, к счастью, достаточно опытный парикмахер только подровнял, а не сбрил начисто, как это сейчас принято у молодежи. Обыкновенная традиционная аккуратная «канадочка», безо всякой претензии на изменчивую моду.

Расплатившись, задержался у кассы. Поглядел на улицу через застекленную пластиковую дверь и непроизвольно перередернул плечами. Выходить из теплого помещения на промозглый осенний холод вовсе не хотелось.

Главный жизненный принцип Алексея Константиновича Бельдина был прост и понятен – всегда и везде держаться в тени. И принципа этого он старался придерживаться неукоснительно. Никогда не стремился на первые роли, сознавая, что это чревато самыми непредсказуемыми последствиями при любой мало-мальски серьезной ошибке. Ведь только человек с невысоким IQ стремится к публичной известности, подобно глупому земляному червяку, что в жаркий солнечный летний полдень лезет на самое пекло, хотя гораздо разумнее, как ни крути, следовать за прохладной спасительной

тенью.

В справедливости данной жизненной установки Алексей убеждался с молодых ногтей. А потому с этих же пор, обладая незаурядными способностями, умышленно оставался в числе серых невзрачных середнячков. Отсиживался и отмалчивался, легко, без борьбы, пропуская вперед напористых однокашников, а потом исподтишка, с немалой долей злорадства наблюдал за тем, как этим законченным идиотам достаются не столько лавры, сколько многочисленные пинки и шишки. Так было и в школе, и в Московском химико-технологическом, куда поступил по настоянию отца. И позже, в Санкт-Петербургском горном институте, куда после тягомотных четырех лет пришел уже по собственному зрелому разумению. Здесь царила атмосфера, совершенно не поощряющая никакого неформального лидерства и инакомыслия. Уже сама обязательная к ношению форменная одежда с бейджиками на пиджаке, казалось, была просто создана для того, чтобы превращать студентов в какое-то унылое овечье стадо. Но Алексею как раз, в отличие от большинства сокурсников, в этой атмосфере дышалось совершенно комфортно. И он не склонен был разделять с ними негодование по поводу строгих институтских порядков и правил, вылившееся в глупую студенческую поговорку: «Кто учился в Горном, тот в цирке не смеется». А поэтому и никогда принципиально не принимал участия ни в каких студенческих акциях протеста. Да и вообще никогда не роптал, не высывался

и благодаря этому, даже не отличаясь высокими оценками в зачетке, всегда устойчиво котиrowался среди преподавателей и институтской администрации. То бишь – твердо стоял на матушке-земле, в отличие от большинства однокурсников и коварно задавленного слабосильным Гераклом Антея¹⁷.

Бурные девяностые только на краткий миг вышибли Алексея Константиновича из седла. В перипетиях нового дня он сориентировался очень быстро – искусством духовной мимикрии овладел к тому времени практически в совершенстве. Да и никакими глупыми моральными «принципами», в отличие от большинства, он не страдал, а потому ему и нечем было жертвовать. Нечем было поступаться.

И без работы по специальности, как миллионы растерявшихся соотечественников, угодивших в новую страшную реальность, естественно, не остался. Правда, теперь приходилось трудиться на благо натуральных бандитов, принявшихся под шумок азартно выгребать из земных недр разнообразные богатства, разведанные еще в незапамятные советские времена. Но это обстоятельство тоже Алексея Константиновича абсолютно не напрягало. Известное дело: «Кто платит – тот и девушку танцует». Тем более что очень скоро так все забавно переплелось, что теперь уже отличить госчиновника

¹⁷ Имеется в виду скульптурная группа, стоящая у главного входа в центральный корпус Санкт-Петербургского горного института: «Геракл, удушающий Антея». Согласно легенде Антей, сын Посейдона и Геи (Земли), считался непобедимым, так как питал свою силу от матери Земли. Геракл смог победить и удавить его, только оторвав от земли и подняв в воздух.

от какого-нибудь натурального урки просто не представлялось возможным.

Новый таежный прииск, где ему посчастливилось угнездиться, сулил немалые дивиденды его высокопоставленным хозяевам. А там, где большие деньги, непременно удастся с барского стола и для себя лично что-нибудь существенное урвать.

Так и было. Потому очень скоро суммы, лежащие на его счетах, предусмотрительно открытых в зарубежных европейских банках, стали просто радовать его многочисленными нулями, обещая в будущем вполне устойчивое и безмятежное благосостояние.

Однако, как известно, аппетит приходит во время еды. Естественно – захотелось большего. И тогда в один прекрасный день посетила Бельдина исключительно дельная и своевременная мыслишка: а почему бы не использовать «подведомственную» территорию попутно еще и, так сказать, в своих сугубо личных нуждах? Почему бы не наладить здесь еще и свой личный, скрытый от хозяев, побочный бизнес? Какой? Да разве это вопрос для химика-технолога, получившего отличное вузовское образование? Конечно же, наиболее прибыльный и востребованный в новых российских реалиях – производство синтетических наркотиков. И для начала хотя бы легких. Один, конечно же, такую темку не поднимешь, но, если подумать о привлечении к делу «авторитетного» Ви-тюши, начальника приисковой охраны, задуманное сразу же

начинает представляться вполне осуществимым. Лаборатория уже имеется в наличии. Недостающее оборудование прикупить недолго. И «спецов» подыскать не проблема. И надежное инкогнито с помощью того же Вити нетрудно обеспечить. И свободные площади в недавно построенном приисковом жилом городке, естественно, найдутся. Да и со сбытом продукции никаких сложностей возникнуть не должно. Витя – еще тот тертый зечара, и связи с нужной блатотою у него наверняка имеются.

Организационный период завершили с Витюшей в рекордные сроки. Уже через месяц лаборатория практически вышла на проектную мощность. Поначалу гнали банальную «кислоту»¹⁸. Потом Бельдин вдруг неожиданно для себя увлекся. Вспомнил о своих давнишних, еще студенческих задумках: а почему бы не попробовать что-то поинтереснее, вроде простейших транквилизаторов или нейрорептиков? Сказано – сделано. Но поднапрячься теперь уже пришлось не шутейно. Знаний, полученных в Московском химтехе, уже не хватало. Пришлось серьезно проштудировать немало необходимой литературы. И в Интернете долгими часами сидел безвылазно. Но овчинка, конечно же, стоила выделки, а потому и работал на совесть, не делая себе никаких поблажек. И положительных результатов все-таки добился.

Обеспечить надежный рынок сбыта новой «продукции» представлялось Бельдину уже более сложным, но тоже, есте-

¹⁸ «Кислота» – слабые синтетические наркотики (*сленг*).

ственно, возможным. Немало ушлых ребят криминального толка готовы были оторвать ее с руками. Ведь это же однозначно круто – иметь реальный шанс в считанные минуты превратить своего волевого и неуступчивого противника в податливую тряпичную куклу, натурального зомби, готового беспрекословно выполнить любой, даже смертельно опасный приказ! Но так ли много людей способно заплатить за такой эксклюзивный товар настоящую цену?

И тут Бельдина буквально осенило. А почему бы не подключить к новому бизнесу Ван Дэн-лао, китайского соинвестора в разработке хозяйского алмазного месторождения? Почему бы, в конце концов, не наладить с ним взаимовыгодного сотрудничества? В таком случае к тому же «продукция» лаборатории не будет больше светиться на российской стороне, а это в значительной мере снижает риск попасть в зону внимания соответствующих силовых структур. В том, что жадный до денег китаец даст свое согласие, Алексей Константинович ни минуты не сомневался. Надо просто элементарно знать китаезов – круг их интересов никогда не ограничивается одной или двумя сферами. Привыкли пихать яйца в разные корзины. Любая мало-мальская возможность увеличить прибыль ими тут же без промедления используется.

И дело пошло. Постепенно от «кислоты» пришлось отказаться. Не стоило понапрасну распылять свои силы. Тем более что ее производство давным-давно и в широких масштабах было налажено на китайской стороне. Поэтому систе-

ма заказов со временем стала обоюдной. В Китай – психотропные вещества. Оттуда – легкие наркотики. Своеобразный «бартер» с предоплатой и доплатой, в зависимости от сложности произведенного заказа.

И все поначалу шло прекрасно. Но лишь до того момента, пока тупоголовый Ван Дэн-лао, самовольно решив наладить еще один канал переброски товара через границу, не приказал своим людям выкрасть жену у проживающего в приграничной полосе российского фермера. Совершил тем самым полную и законченную глупость, совершенно не учитывая менталитета русского мужика.

С этой минуты ситуация абсолютно вышла из-под контроля, перестала быть понятной и предсказуемой. Пришлось немедленно подключать к игре и Витиных отмороzków. Мужик, однако же, не сдался, озлобился, ринулся на поиски «базы» в надежде захватить во вражеском стане «весомого» заложника и обменять его на свою жену.

Все, что случилось дальше, Алексей Константинович вспоминал с непреходящей душевной болью. И боль эта в буквальном смысле тут же становилась для него телесной. И опять начинало нещадно ломить израненную ногу, и давно зажившая мочка уха, насаженная в тот далекий и страшный день на вилку, как банальный пельмень, опять горела и саднила, словно политая концентрированной кислотой. Тогда он действительно совершил непоправимую ошибку, приблизив к себе пленного мужика, опрометчиво полагая, что

щедрыми посулами вернуть ему жену удалось обеспечить его полную лояльность. Да не тут-то было! Не купился он! Оказался совсем не так прост, как казалось! И пришлось тогда уже на себя с содроганием примерить поганую шкуру заложника! Все тогда переменялось в один ужасный неумолимый миг!

Жуткий изматывающий бег по таежным дебрям... Купание в ледяной воде... И встреча с громадным и злобным зверем... И долгие дни и ночи на тонкой грани жизни и смерти...

И страшные выпученные глаза окончательно прозревшего мужика, прожигающие насквозь!

Как удалось тогда выжить и уцелеть?.. Как удалось избежать возмездия?!

Случай?.. Удача?.. Улыбка провидения?

Но удалось, однако! Выжил. Уцелел... Спрятали наивные, как дети, кержаки. Спрятали в глухой тайге за какие-то минуты до прилета пограничной вертушки... Ото всех спрятали...

Алексей Константинович востропел. Усилием воли отогнал от себя неприятные воспоминания. С трудом унял противную дрожь в руках. Повернул ключ в замке зажигания и, аккуратно вырулив со стоянки, направил автомобиль в сторону районной прокуратуры.

АНДРЕЙ

– А может, потянем еще по граммулке? – смиренно заглядывая в глаза Мостовому, спросил Славкин. – Один не хочу. Пошли, а?

– Нет, Саша, я не буду, – отрезал Андрей и осторожно потрогал едва начавшую заживать ссадину на подбородке. Скула еще и теперь ныла изрядно: «Ну, удружил, братишка!» – Хватит уже. И так, считай, два дня не просыхали... Да и тебе не советую. У тебя же после третьей железно крышу сносит. Смотри – наломаешь как-нибудь дров по глупости...

– Да есть немного, – покаянно вздохнул Санек, пригладил широкой пятерней сбившиеся в колтуны нечесанные волосы. – Сам понимаешь... Ладно... Заметано. Не будем – так не будем... Все. В завязке. Дуем чай с лимоном до полного просветления. Сейчас проводника озадачу.

«Наверное, зря я ему все это рассказал? – огорченно подумал Мостовой, когда за другом со стуком захлопнулась дверь купе. – Наверное, не следовало мне этого делать?.. Теперь не отвяжется. Его уже до доньшка пробрало. Жажда деятельности так и прет наружу... Но положиться на него я никак не могу. Нельзя его все-таки к делу привлекать – пускай и спец он действительно классный, и помощь от него была бы точно стоящей. Как никак, а три года в Афгане командиром разведроты! И понимает он, естественно, во всех этих бое-

вых премудростях намного больше моего... Но он же определенно болен. Не прошла вся эта батальная мерзость для него бесследно. Алкоголь психологический барьер снимает, и тут же лезет из него наружу этот гребаный абстинентный синдром¹⁹. И это, наверно, уже не лечится. Он же теперь просто тащится от жуткой грубости и насилия! Без этого ему теперь, наверно, и жизнь – не жизнь? Одна законченная преснятина безо всякого драйва? Он же теперь попросту опасен для окружающих. Конкретная машина для убийства...»

– Сейчас нам проводилка наш еще одну хорошую партейку притаранит! – возбужденно гоготнул Славкин, отвлекая Андрея от нелегких размышлений. И, едва не расплескав, водрузил на стол четыре стакана в гнутых кривых подстаканниках со свежезаваренным, крепким до черноты листовым чаем с толстыми ярко-желтыми дольками, надетыми на края – на манер коктейля. – И лимончик нам, паршивец, махом отыскал – стоило только вдумчиво его, засранца, попросить. А витаминчик С, Андрюша, – это ж первейшее дело в отходняк! По десятку черепушек с тобою опрокинем, и будешь ты опять – аки херувимчик непорочный. Уж верь мне, старый!.. Давай-давай, двигай! Налегай, пока не остыл. Ну, чё ты ждешь?

Мостовой поддел за тонкую верткую ручку подстаканник, пригубил: – Горячий, блин! Пусть остынет немного. Не люб-

¹⁹ Абстинентный синдром войны – постоянная тяга к боевым действиям, как к естественной среде существования.

лю такой. Все нёбо к черту обожжешь...

– Ну и зря, братишка. Весь же смысл – в этом. Надо, чтобы кишки напрочь продирали – тогда побыстрее сработает. Въезжаешь? – спросил Славкин и, заметив хмурое выражение лица Андрея, брякнулся рядом с ним на полку, крепко обхватил за плечи,дохнул, нагнувшись, стойким густым перегаром: – И не бойся ты, Андрюх! Я ж тебя не подведу! Я еще пока вполне в состоянии с этой хренью своей военной справиться... И не думай – я больше и в рот не возьму! До полной победы нашей – ни единой капелюшечки! Обещаю... А ты ж меня знаешь...

Выдули, обливаясь потом, по четыре стакана.

– Я все, – отфукиваясь, пробормотал Андрей.

– Какой «все»?! – вскинулся Славкин. – Мы же только начали?! А знаешь, сколько мы этого чифирка ядреного на грудь в Афгане после рейда принимали? По полведра на братца...

– Да все, сказал... Не буду больше. И так полночи теперь в очко носиться.

– А ты чё, братиша, спать собрался? И не думай даже! Забыл, что ли, что мы с тобою той деточке курносенькой с пятого вагона обещали? Какой вечер ждет... Поди уж заждалась, сердешная. В конце концов – и совесть иметь надо.

– Так это ж ты обещал, Санек. Не я, – рассмеялся Мостовой.

– Ты ли, я ли? Все равно – вдвоем. Ты что, от инфаркта загнуться хочешь?

– Не понял?

– Да прочитал я где-то, помню, что сперматозоид, зараза вредная, если слишком долго в мошонке задержится, запросто может в нервном расстройстве до самого сердца дойти. Он же махонький да верткий – страсть! Так вот я и спрашиваю тебя, Андрюша, ты что же это – хочешь от постыдной смертушки загнуться?

– Да хватит тебе нести, балаболка. Давай курнем да отбиваемся.

– Да я серьезно, Андрюх... По-любому идти надо. Пять дней уже без женской ласки. Кошмар да и только!

– Ну, так иди, если приспичило, а я однозначно отбиваюсь. После пьянки этой никаких сил уже не осталось. Уже глаза слипаются.

– Ладно... Не настаиваю... Как знаешь, – шустро засобирился Санек. И по его цветущей физиономии было видно, что отказ друга составить компанию ему настроения несколько не испортил.

– И скажи там проводнику, чтобы больше никакого чая не таскал... Я все равно не буду...

Оставшись в одиночестве, Мостовой еще долго лежал на полке с открытыми глазами, закинув руки за голову. Спать хотелось зверски, но монотонный, размеренный стук вагонных колес почему-то не убаюкивал его, как обычно. Напро-

тив – раздражал и тревожил. Казалось, что-то зловещее таится в этом занудном грохочущем металлическом звуке. Какое-то смутное, необъяснимое предостережение.

САЗОНОВ

– Так что ты все-таки на это скажешь? – теряя терпение, спросил у подчиненного прокурор Зареченска Иван Петрович Степанчук, и его широкое массивное лицо с выступающими вперед надбровными дугами и рубленым подбородком пошло багровыми пятнами, как у штангиста, пытающегося зафиксировать предельно тяжкий вес. – Ну, может, возникло в голове хоть что-то дельное? – Спросил и, запустив за воротник рубашки короткопалую пятерню, попытался ослабить тугую резинку галстука.

Вот уже в десятый раз, наверное, оставшись после совещания вдвоем в кабинете, они гоняли взад-вперед опостылевшую запись с камеры наблюдения – единственный вещдок с места жуткого, взбудоражившего город происшествия.

– Да ничего пока на ум-то не приходит, – с усталым вздохом ответил Сазонов, не отрывая глаз от монитора. – Надо бы, Иван Петрович, со спецами поглядеть... Пускай они помаракуют... Все здесь почистят и подправят, приведут в нормальный вид... Тогда, возможно, что-нибудь существенное и проклюнется... А пока тут ни черта не разберешь... Одна муть сплошная... – Сказал, а сам подумал: «И какого ж хрена ты, павиан старый, в таком случае эту запись столько времени у себя держал? Корпел и чах над ней, как Кощей над златом? Так хотелось из нее хоть что-то самому выдавить,

чтобы подчиненным в очередной раз нос утереть? Показать, какой ты до сих пор дюже вумный да глазастый?»

– Вот и смотри, если нужно... – раздраженно брякнул прокурор. – А результат – чтобы к вечеру...

Изображение действительно было отвратительного качества: темное, неконтрастное, дрожало и двоилось. Мало того – большая часть двора начисто выпадала из поля зрения камер. А потому и сама запись, фактически с единственной из них, дробилась на четыре коротких, буквально трехсекундных фрагмента. По два в одну и в другую сторону.

«И что тут можно разобрать в этой дикой мельтешне? – едва слышно бубнил под нос Сазонов. – Надо точно быть полным идиотом, чтобы так камеры расположить... Вот он, циркач, – махнул через забор и тут же исчез, пропал из вида... Едва из-за угла показался, а через пару мгновений уже вон – в окно лезет...»

– К вам Бельдин, Иван Петрович, – раздался в тишине голос секретарши.

– Проси, – моментально, без раздумий, откликнулся прокурор и дернулся в сторону двери, но вовремя, через пару шагов передумав, остановился и, подобравшись, оправил китель, при этом воровато глянув на Сазонова краем глаза: не заметил ли тот его неловкого, постыдного телодвижения.

Дверь неслышно распахнулась и на пороге, улыбаясь во всю щеку, замер одетый с иголки лощеный хлыщ – чуть выше среднего роста, лет пятидесяти с небольшим:

– Разрешите?.. Или я не вовремя?

– Да что вы, Алексей Константинович? – осклабился Степанчук. – Для вас – всегда вовремя, – засуетился Степанчук. – Ну, что же вы стоите? Проходите, пожалуйста, присаживайтесь. Я сейчас освобожусь. Одну минутку... – И, резво развернувшись, торопливо бросил подчиненному: Андрей Степаныч, вы сбросьте все на флешку. Потом со своими как следует обмозгуете...

– А можно мне полюбопытствовать, если, конечно, это не сугубо конфиденциальная информация? – неожиданно попросил Бельдин.

– Да-да, пожалуйста, Алексей Константинович, – сходу согласился прокурор, словно речь зашла о чем-то совершенно тривиальном. – От вас же однозначно – никаких секретов.

Бельдин подошел к столу и по-хозяйски, бесцеремонно устался на экран. Потом попросил прокрутить запись еще раз.

– Так это и есть, значит, ваш загадочный неуловимый потрошитель? – спросил с нескрываемой иронией.

– Ну, зачем же так, Алексей Константинович? Почему – неуловимый? – обиженным тоном пробасил Степанчук. – Следствие ведь еще только в самом начале... Пока вроде рановато делать какие-то выводы...

– Да-да, конечно... – легко поправился Бельдин. – Извините, Иван Петрович... Я не совсем это имел в виду...

– Вы все уже? Закончили? – сурово сдвинув кустистые

брови, спросил у подчиненного прокурор.

– Да. Я уже все закончил, – спокойно отозвался Сазонов, извлекая флешку из разъема.

– Тогда свободны... В восемнадцать жду доклада... И что-бы – полный план мероприятий...

«Да вот же гнусь какая! – негодовал Сазонов, нервно вышагивая по длинному, заполненному людьми коридору прокуратуры. – И что ж он так помойно лебезит перед этим лошеным гадом? Да прям смотреть противно!.. Чего он так его боится? Такое впечатление, что этот поганец наглый его бульдожьей хваткой за яйца держит... А может, так и есть на самом деле?»

С Бельдиным Сазонов никогда близко знаком не был, хоть и приходилось довольно часто с ним пересекаться. В основном – в высоких кабинетах городской администрации и на ковре у своего непосредственного начальства. Какие интересы связывают этого нахального сладкоречивого типа с городской головой, Андрей Степанович в точности не знал. Да и особо не ломал себе голову на этот счет. Единственный раз попробовал было издалека «закинуть удочку» прокурору, когда до него стали доходить смутные слухи, что где-то в тайге за Преображенкой бандиты наладили нелегальный прииск и Бельдин ко всем этим делам имеет самое непосредственное отношение. Но не успел Сазонов об этом заикнуться, как прокурора просто переклинило, перекосило от стра-

ха. Он, как больной, замахал на подчиненного руками. Пришлось мгновенно отыграть назад – того и гляди начальство с перепугу кондрашка хватит. Больше в эту «гнилую тему» Андрей Степанович не лез. Вовремя сообразил – себе дороже. Ведь явно всю эту малину крышует край, а может, и сама Москва. По дури сунешь нос поглубже во все это дерьмо, и тут же отчихвостят по самое не хочу...

До назначенного им совещания следственной группы оставалось чуть больше часа, и Сазонов, войдя в кабинет, закрыл дверь на ключ и загрузил компьютер. У него почему-то тоже возникло желание еще раз самостоятельно отсмотреть запись, пока она не ушла в чужие руки, хотя еще пять минут назад сам же мысленно критиковал своего патрона за подобную «начальственную» глупость. На вопрос, зачем ему это было нужно, Сазонов бы не ответил. Да просто захотелось, и все тут.

«Странное дело, – крутилось у него в голове, – а ведь шеф больше так ни разу и не заикнулся о подмоге из краевой? Вроде как нам самим, безо всякого контроля с их стороны над этим поганым делом корпеть придется?.. Неужели действительно там, наверху, приняли решение Тошу окончательно со счетов списать?.. А что?.. Это вполне вероятно... Он же теперь после такой гнусной опустилочки – фигура весьма одиозная... Да и браткам отнюдь не по понятиям теперь его у руля держать...»

Приготовив крепкий растворимый кофе, Андрей Степанович удобно устроился у экрана. Отхлебывая по глотку горячий ароматный напиток, опять прокручивал запись туда-сюда, останавливал ее в разных местах, гонял покадрово в фотошопе. Но, как ни старался – ничего путного из этого у него не выходило. Эта программа, как видно, не способна была серьезным образом изменить изображение к лучшему. Требовалось что-то более радикальное, какие-то более профессиональные действенные ухищрения, известные только специалистам. Но что-то по-прежнему мешало ему бросить свои жалкие потуги.

Тогда он, остановив изображение в наиболее «читаемом» месте, максимально его увеличил и, подперев кулаком подбородок, замер в глубоком раздумье.

Обыкновенный заношенный армейский бушлат старого образца... Черная лыжная шапочка, натянутая на лицо... В руке – кондовый черный дипломат еще советского производства... Сазонову даже припомнился вдруг тот гулкий грохочущий звук, который, будучи пустой, издавала эта громоздкая штукавина при малейшем к ней прикосновении. Сам когда-то имел точно такой же... Короткие берцы на толстой литой подошве, какие сейчас таскает едва ли не каждый второй неимущий мужик... Ничего... Ни одной существенной зацепки... Но что же тогда по-прежнему держит у монитора? Какая выпадающая из поля зрения деталь мешает закончить пустопорожнее занятие?... И тут Сазонов наконец до-

гадался обратить внимание на вшитые погончики. И радостно хмыкнул от удовлетворения: «Ну как же я не дотукал-то сразу?! Вот эти же черные пятнышки – определенно следы от звездочек!.. И их... – по четыре на каждом погоне. А это значит, что он – капитан?.. Точно – капитан!.. Или был им когда-то?..»

Зацепка, конечно, была достаточно хиловатой, но Сазонов по опыту знал, что очень часто именно такая, на первый взгляд, пустяковая деталь и становится отправной точкой в раскрытии самых запутанных гиблых дел. Потому и отработать ее надо по полной программе. Буквально – от и до.

Андрей Степанович выбрался из-за стола. Подошел к двери, но, взявшись за дверную ручку, застыл в нерешительности, с удивлением обнаружив, что радостное возбуждение от счастливой «находки» уже бесследно растворилось, улеглось внутри. И он неожиданно для самого себя, досадливо поморщившись, обронил вслух: «А все-таки ты, парень, лоханул-ся!»

БЕЛЬДИН

Выйдя из прокурорского кабинета, Алексей Константинович моментально растерял весь свой лоск. Он пошатнулся. Привалился плечом к стене. Мертвенная нездоровая бледность залила его лицо. С большим трудом, цепляясь за перила, на непослушных ватных ногах спустился по лестнице. Вышел на крыльцо. Доковылял до машины.

Весь взмок, пока удалось с десятой попытки попасть ключом в замок автомобильной дверцы: руки, в полном смысле слова, крутило и ломало, как у эпилептика. Обессиленно бухнулся, рухнул на сиденье. Прикурил и тут же, выпучив глаза, зашелся в кашле, как чахоточный. От едкого дыма горящего фильтра болезненно резануло в горле, в легких. Выругался. Обжигая пальцы, сплющил, затер сигарету в пепельнице и, жалко, постыдно всхлипнув, как ребенок после горькой незаслуженной обиды, уронил лицо в ладони: «Господи, ну неужели?.. Неужели все сначала?!»

Поначалу, просматривая злополучную запись с камеры наблюдения, Бельдин скользил по экрану монитора совершенно равнодушным взглядом. И только на самых последних кадрах будто что-то кольнуло его в груди. Он попросил перемотать запись к началу и запустить ее вторично. Просмотрел еще раз, теперь уже внимательнее приглядываясь

к мельтешащей перед глазами фигуре мужика с натянутой до подбородка черной маской... Вот тут-то его и обожгло! Будто крутым кипятком обварило! Он узнал этого страшно-го человека! Не видя лица, узнал! Опознал со спины, по походке. Вот именно так, очень характерно, тот припадал на правую ногу при ходьбе. Бельдину эта подробность намертво врезалась в память еще тогда, когда он, избитый и униженный бесконечными страшными километрами, тащился за ним по тайге.

И стало худо до тошноты. И все поплыло перед глазами. И только огромным волевым усилием ему все-таки удалось сдержаться, не выдать бушевавших внутри чувств. Удалось дожидаться окончания еще недавно такого важного для него, необходимого, а теперь вдруг ставшего абсолютно ненужным разговора с прокурором...

«И что же теперь будет? – немного успокоившись, спрашивал себя Бельдин. – Ведь этот же скот неумный опять бродит где-то совсем рядом?.. Ведь он же явно мстить затеял?! Да это ж яснее ясного!.. И этот тихий ужас с Тошей – только пробный шар с его стороны... Он же теперь никого из нас в покое не оставит... И до меня доберется рано или поздно... Ну обязательно доберется!.. Да он же маньяк законченный!.. И что же теперь делать? Что?!.. Сдать его ментам? Прокурорским?.. Невозможно! Да это же значит самому себе приговор подписать... И не судейский, а похуже!..

Да он же поплывет на следствии... Непременно поплывет... Такого, сволочь, порасскажет... И про алмазы, и про лабораторию... Тогда уж точно не отмоешься... Никаких концов в воду не спрячешь... Надо как-то опередить... И его, и ментов... А лучше, так вообще – найти его и кончить. Естественно, не самому... Поручить кому-то... Но кому?.. Нет. Надо что-то делать, пока еще не поздно!.. Но что?!. Что?!. Еще и эти китаезы со своей проверкой – так некстати...»

Целый год после тех ужасных, произошедших на прииске событий, он дрожал как осиновый лист, ожидая, что с минуты на минуту участь его решится самым кошмарным образом. Выплывет наружу и дойдет до ушей местного и краевого кураторов, а через них и до высоких московских покровителей вся правда о том, в каких целях использует он приисковую лабораторию, какой «попутный» личный бизнес наладили они с Ван Дэн-лао за спиной своих хозяев. Тогда он был абсолютно уверен в том, что после всего случившегося в тайге Мостового непременно возьмут в оборот спецслужбы. А уж они, как известно, потрошить умеют. Они-то непременно вывернут этого недоделанного Рэмбо наизнанку. Выложит им как миленький все, что знает и не знает...

Но время шло, и ничего существенного на прииске больше не происходило. Ну, пришлось, правда, после того как вышел из больницы, пережить от своего непосредственного начальства легкую головомойку. Но на этом все, к счастью, и закончилось. Больше его уже никто никуда не дергал, не

пытал с пристрастием.

А еще через полгода так и вообще вздохнул с облегчением. К тому времени убедил себя окончательно в том, что никаких экзекуций по отношению к нему больше не последует. На этот раз его действительно пронесло. Сошло с рук. Теперь уже можно было и расслабиться. Да и всерьез подумать о том, как наверстать упущенную выгоду, теперь отнюдь уже не возбранялось.

На первой же личной встрече с Ван Дэн-лао обговорили все до тонкостей. Теперь уже постарались учесть каждый нюанс, ведь риск после произошедших событий возрос многократно. И дело сдвинулось с мертвой точки. И постепенно опять налавился между ними взаимовыгодный стабильный бартер: в Китай – психотропные вещества, а оттуда – эфедрин и прочую банальную «кислоту». Благо к тому времени удалось заинтересовать и прочно привязать к делу нового начальника приисковой охраны Виталия Гирейчука, сменившего на этом посту «почившего в бозе» Фому. С этим, правда, уже пришлось изрядно повозиться. Да это и понятно – не какой-то там дремучий урка, а все-таки офицер запаса. Да еще и целый подполковник. Хватает в голове различных идейных пунктиков. Но ничего – немного помахал руками, поратовал за отчизну и, естественно, на контакт пошел. А куда он денется? Деньги, как известно, не для кого лишними не бывают, будь ты хоть насквозь полнейший патриот. Речь ведь не о том, как «продать Родину», а только о том,

за сколько.

И вот теперь, по прошествии трех безоблачных, спокойных лет, когда, казалось, уже все давно забылось, когда все пережитые ужасы уже окончательно и бесповоротно остались в прошлом, опять как гром грянул. И снова все внутри дрожит, сжимается от страха. И хочется завывать, заскулить от тоски в предчувствии новой грядущей беды...

«Кому поручить? Кому?.. Кого же нанять? – продолжал усиленно ворочать раскаленными мозгами Алексей Константинович. – Гирейчука нельзя... Это не Фома. Он ни за что на свете на убийство за пределами прииска, а тем более в городе не решится... Но тогда кого? Кого? – И тут в его голове неожиданно просветлело: – Ну, как же – некого?! Есть же вариант!» И больше не тратя времени зря, уже почти оправившись от жуткого мандража, заметно повеселевший Бельдин с легкой душой завел машину и тронул ее с места.

– Вай-вай, какой шикарный гость! Ай, молодец, что заглянул, да! – до приторности сладко закудахтал Самвел Арутюнян, с заметным усилием выдирая себя из кресла. Переваливаясь, как закормленная утка, из стороны в сторону, заспешил навстречу. Но, не дойдя до гостя пару метров, остановился, словно боясь переступить через какую-то невидимую черту. Все-таки заключать такого «большого», как Бельдин,

человека в дружеские объятия было бы с его стороны непозволительной дерзостью. Как-никак, а тот принадлежит уже к другому кругу. Под московской крышей крутится. И черт его знает, какие там у него наверху подвязки? Может, вообще ногой в самые высокие кабинеты дверь открывает?

– Проходи, проходи, дорогой. Садись, пожалуйста... – бормотал Арутюнян, проводя гостя к мягкому овальному дивану. – Сейчас я все организую...

– Ты сильно не суетись, Самвел Ашотович, – довольным тоном произнес Бельдин. – Я ненадолго. Посидим, кофейку попьем, и поеду дальше. Дел еще сегодня много...

– Каких дел, слушай, дорогой? Обижаешь, да? Никуда тебя не пущу! И так редко заходишь. Сейчас отдохнешь немного, расслабишься. В бассейне поплещемся. Массаж-пассаж сделаем. Перекусим, – протараторил хозяин и нажал едва различимую кнопку на стене. Не успел отнять от нее руку, как на пороге вырос молодой высокий темнолицый парень, чем-то неуловимо похожий на Арутюняна, хоть и многократно уступающий ему по габаритам. «Наверно, какой-то дальний родственник?» – вяло подумал Бельдин. По слухам, Самвел давно перетащил в Зареченск всю свою многочисленную родню до последнего колена и всех без исключения пристроил к делу. Никого постороннего он к себе близко не подпускал. Доверял мало-мальски только своим кровным.

Через час, разомлев после хорошо прогретой сауны, слег-

ка поплескавшись в теплом нарзане, они удобно развалились в шезлонгах у шипящего пузырьками бассейна. В полном умиротворении лениво потягивали из пузатых «наполеонок» крепкий и ароматный «Ахтамар». Алексей Константинович не торопил события. Терпеливо ждал, когда Самвел сам затронет нужную ему тему.

– Может быть, Лэйлочку позвать, а? – спросил Арутюнян и подмигнул Бельдину своим круглым заплывшим поросычьим глазком. – Спинку тебе помнет?

– Нет, сегодня не хочу... Устал...

– Понимаю, дорогой. Очень понимаю. У меня же тоже так иногда бывает... Возраст, наверно... – почмокал с сожалением Самвел. – Хорошо, когда можешь, но не хочешь. Это – ничего, да?.. А когда как у Тоши? – И они, понимающе переглянувшись, рассмеялись в голос.

– Слушай, ужас, да?! – продолжая потешаться над похабно отманьяченным Сукоткиным, скорчил страшную рожу Арутюнян. – Это хуже смерти, да?! И врагу не пожелаешь!

– Кстати, я тут у прокурора был недавно, – словно походя, мимоходом, ввернул Бельдин: «Ждал, и ведь дождался!» – Говорили мы о нем... – ввернул и замолчал. Потянулся за сигаретами. Неторопливо прикурил. Выпустил изо рта дым тонкой струйкой.

– И как там у него дела? – не утерпел Арутюнян.

– У кого? У Петровича или у Тоши? – И они снова обменялись понимающими улыбками. – Да вроде что-то там под-

накопали, – продолжил Алексей Константинович и внутренне подобрался. Наступил самый скользкий момент в разговоре: «Один неверный шаг, и эта сволочь толстомясая заломит цену».

– И что, нашли уже?! – удивленно крикнул Арутюнян. – Так быстро?

– Найти-то не нашли пока, но по отпечаткам вроде как определили кто...

– Так он же, говорят, в перчатках был?

– Ну, уж этого я не знаю, Самвел... – развел руками Бельдин. – Снял, наверно, в какой-то момент. Я у Петровича не уточнял.

– И кто такой?

– Да офицер какой-то. Отставник... Островной, Мостовой... Точно я не помню... Короче – наш, местный. В дивизии служил. Ушел по сокращению.

– И как же они его вычислили?

– Да я же говорю – по отпечаткам. Он там у них по каким-то учетам проходит... Была лет пять назад, ты же, наверно, помнишь, какая-то скверная история с шишкарями?

– Это когда Саву посадили?

– Ну, да, – коротко бросил Бельдин и обомлел. Только теперь до него дошло, что все им задуманное – полная дурь. Что он совершает непоправимую ошибку. Ну, «закажет» он сейчас Самвелу этого мужика, и что с того? Где гарантия, что заказ этот будет в точности выполнен? «Да какой, к бесу,

выполнен?! – сцепив зубы, едва удержал стон Алексей Константинович. – Идиот!.. Я же ему сам свои карты под нос сую... Да уже сунул!!!»

И, выронив бокал, Бельдин схватился рукой за впалую чахлую грудь, хватая воздух широко раскрытым ртом.

– Что с тобою, дорогой? – в миг озаботился Арутюнян, заворочался в шезлонге всей своей неохватной слоновоподобной тушей. – Что такое?! Сердце, да?! Ай-яй-яй! Не надо было тебе в нарзан лезть, – «участливо» причитал он, а его заплывшая жиром физиономия лучилась от счастья.

– Ничего страшного... – чуть слышно промямлил Алексей Константинович. – Сейчас пройдет. – Сказал, а про себя подумал: «Черта с два!.. Дурака могила лечит...»

АНДРЕЙ

– Подъем, Андрюха! Цигель-цигель! – гаркнул Славкин на ухо Мостовому и нетерпеливо затряс его за плечо. – Ну, давай-давай, старичок, подымайся уже по-скорому. Что ты прям как снулая кетина? Слюдянку ж проскочили. Ты что, забыл?

– ... – Мостовой, протонав, спустил ноги с полки, потрянул головой и, шурясь спросонья, недоуменно воззрился на плотно заставленный пивными бутылками столик: И что?.. Опять?! Да не хочу я! Сколько ж можно...

– Ка-к-кое «не хочу», старина?! – возмущенно прервал его Санек. – Да это же святое дело! Когда еще такого омулька попробуешь? Ты только понюхай, братка! Это же сказка, а не рыбец! – сунул Андрею под нос раскрытый сверток с копченой рыбой.

Запах от нее действительно исходил просто обалденный, но Мостовой, еще не совсем пришедший в себя со сна, раздраженно проворчал: – А, что? Нельзя было с этим до утра подождать?

– Ну, ты даешь, браток, – до утра!.. И это речь не мальчишка, но мужа? Да это ж свежачок – в натуре! Понимать же надо... Самый смак! С пылу с жару. Давай-ка, не бузи. Вгрызайся, пока не остыла.

– Ладно, – обреченно выдохнул Андрей. – Подожди... Я

сейчас... Пойду умоюсь.

Плеснул в лицо ледяной водой. Вытерся насухо жестким вафельным полотенцем и посмотрел на себя в зеркало: «Да уж!.. Видок еще тот... Краше в гроб кладут...» Глядевшая на него опухшая, отекая от пьянки, словно разобранный на части физиономия недовольно покривилась: зашевелилась и нудно запульсировала тягучая боль в висках. «А зря я все-таки с ним так разоткровенничался, – опять начало терзать Андрея позднее раскаянье. – Никто ведь, дурака, за язык-то не тянул... И как теперь от него отделаться?... Конечно, зря...»

– А чего же ты так рано? – возвратившись в купе, не удержавшись, съязвил Мостовой. – Никак облом вышел?

– А можно и так сказать, – охотно, без напряжения, согласился Саня, за обе щеки уплетая аппетитную копчушку. – В самый неподходящий момент бригадир приперся. И пошел, паршивец, по ушам стучать – почему, мол, в служебном помещении посторонние... Ну, я, естественно, решил не нарываться. Он же потом как пить дать в покое девку не оставит. Да ничего... Нам же еще с тобою тут трое суток с лишком мотыляться. Глядишь – еще и выгорит...

А хорошо пошел свежайший омулек под свежее пиво! И оглянуться не успели, как осталась на столе только кучка до чистоты обглоданных костей. Мостовой уже собрался было

опять завалиться на боковую, но Славкин придержал друга: – Подожди, Андрюш... Разговор есть... – и лицо его стало предельно серьезным и сосредоточенным.

– Да утром поговорим, – отмахнулся Мостовой. – Еще успеется...

– Нет, Андрюш, – уперся Славкин. – Прямо сейчас... Ну, я тебя прошу. Лады?

– Хорошо... И о чем речь пойдет?

– Расскажи-ка мне еще раз, да только теперь уже подробно и без купюр, обо всех своих поганных зловключениях. Чую я, братишка, что далеко не всем ты со мною щедро поделился. Очень многое опустил по какой-то причине... А так негоже. Я ведь для тебя не посторонний...

– Сань...

– Нет, Андрей, и не надейся даже! Теперь уж я тебя одного ни за что не оставляю... И даже не проси... Одному тебе все равно такое дело не поднять. Да эта шобла тертая тебя на раз сожрет. Как ни мудри, а один ведь, парень, в поле не вояка...

– Санек, да что...

– Да подожди ты... Не крути, – настойчиво продолжил Славкин. – Послушай лучше, что скажу... Я же теперь, как и ты, один. Ничто меня больше по рукам не вяжет. А потому имею полное право сам собой распоряжаться... И все. И точка... На этом тему сняли... Теперь давай-ка к делу...

Проговорили до рассвета. Под утро, опустив стекло, пря-

мо в купе дымили – уже недосуг стало поминутно в тамбур бегать. Мостовой, теперь уже почти не таясь, выкладывал перед другом подробности своей таежной эпопеи. Славкин изредка прерывал его, заставлял по нескольку раз описывать один и тот же эпизод. Потом какое-то время молча хмурился, тщательно переваривая полученную информацию. И снова понуждал Андрея рассказывать дальше. И снова терпеливо и внимательно, внешне без всяких эмоций, слушал его откровения.

Дойдя в своем повествовании до последнего акта своей кровавой «вендетты», Мостовой в нерешительности остановился, словно споткнувшись на полуслове, усиленно соображая – следует ли и на этот раз посвящать друга во все детали.

– Ну, давай, давай, Андрюша, давай колись, – поторопил его Саня. – С кого из них начал?

– С мэра, – после затянувшейся паузы с явным напрягом родил Андрей.

– И правильно сделал! – одобрил Славкин. – Без этой сволочи, конечно же, никак не обошлось. Несомненно – он в курсе всей этой алмазной темы. А может, и не просто – в курсе... Кто знает – может, на него там все это и завязано? Так ведь?

– Вполне может быть, – кивнул Андрей. – Хотя на местного куратора он не особо тянет... Вряд ли такому отморозку серьезное дело доверят...

– Так ты его списал? Что-то я не понял?

– Похуже, Саня... – сконфузился Мостовой. – Оскопил...

– Что-о-о?! – глаза у Славкина полезли из орбит. – Это...

в смысле – кастрировал, что ли?!

– Вот именно...

– Ну, ты даешь, блин!.. А я-то, дурень, тебя уже грешным делом в толстовцы записал, когда услышал, что ты их не валить, а калечить собираешься... Ну, думаю, после крутого мочилова совсем срубило парня... Не будет больше с него никакого толку... У нас в Афгане такое тоже изредка случилось... А ты, оказывается... – запнулся Славкин, порозовел от напряжения, но, так и не сумев выдавить из себя нужное слово, только покачал головой в полнейшем офигении. Потом, уже справившись с собой, наполнил стаканы пивом до краев и, просветив друга долгим и жестким взглядом, твердо произнес: – Ну что ж Андрюха, дернем по последней?.. Теперь не скоро, чую, снова доведется...

ЛИ ВЭЙГУ

Опасно накренившись, сильно припадая на давно изношенные рессоры, автобус медленно развернулся и с тонким мерзким визгом тормозов остановился напротив дверей Гродековского автовокзала. Умаявшиеся за долгую и муторную «ходку» челноки, выдыхая стойкий алкогольный «выхлоп», с веселым гомоном потянулись на выход. Ли Вэйгу терпеливо подождал, пока последний из них покинет душный, провонявший потом, перегаром и дешевой парфюмерией салон, и только после этого с явным облегчением поднялся с неудобного продавленного сиденья в последнем ряду.

Своего бывшего наставника, под началом которого когда-то, будучи еще совсем молодым несмышленышем, постигал азы хозяйского контрабандного бизнеса, Ли Вэйгу увидел сразу. Не успел отойти от автобуса и десятка метров.

– С приездом, Ли сяньшэн²⁰, – с легкой смешинкой в голосе засеменил ему навстречу заметно постаревший Ву Дай Линь. Подошел, заключил в слабые стариковские объятия, доброжелательно, «по-родственному», похлопал по спине. – Трудна ли была дорога?

– Все хорошо, Ву лаоши, – заметно смутился Ли Вэйгу.

²⁰ Сяньшэн – господин (*кит.*).

Такое обращение к себе из уст Ву Дай Линя он услышал впервые. – Время в пути прошло незаметно.

После выезда из города на федеральную трассу массивный серо-стальной «Ниссан-Патрол», за рулем которого сидел молодой незнакомый Ли Вэйгу китаец, безо всякого усилия за считанные секунды набрал скорость. Километровые столбики замелькали за стеклом с ужасающей быстротой. Но в теплом просторном, отделанном кожей комфортабельном салоне этой скорости совсем не ощущалось. Мощная подвеска легко гасила все неровности дороги, и машина, казалось, едва заметно колыхается на стенде, а все, что происходит снаружи, – всего лишь кадры из какого-то документального кинофильма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.